

Виктория
ВЕСТИЧ

РАЗВОД под 50

Невеста нашего сына

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Виктория Вестич

Развод под 50.
Невеста нашего сына

«Автор»

2026

Виктория Вестич

Развод под 50. Невеста нашего сына / Виктория Вестич —
«Автор», 2026

– У ребенка отец должен быть! Настоящий отец! Мне надоело притворяться! Я Захара уже видеть не могу, тошнит от него! Хватаюсь за косяк, чтобы не сползти на пол, когда слышу возмущения невесты сына. Я уже было хочу ворваться к ней в комнату, чтобы заставить признаться, от кого она беременна, если не от Захара, как вдруг слышу голос мужа. – Не вздумай ничего разболтать. Сегодня в доме праздник, вся родня собралась на гендер-пати! – жестко осекает он невестку. На душе теплеет, что муж печется о репутации нашей семьи, но радость быстро улетучивается. – Если ты жене не признаешься, я сама всем расскажу, что ты отец нашего ребенка, а не твой сын! И разбирайся потом с последствиями, как хочешь!***За спиной 30 лет счастливого брака. Общий сын. Скоро родится внук. Так я думала, пока на гендер-пати вместо пола будущего внука не узнала, что скоро стану не бабушкой, а разведенкой в свои неполные 50.

© Виктория Вестич, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Глава 13	37
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	44
Глава 17	47
Глава 18	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктория Вестич

Развод под 50. Невеста нашего сына

Глава 1

– Мама, ты видела Агату? – в проеме кухни появляется сын Захар.

Я коротко улыбаюсь и отрицательно качаю головой, раскладывая на блюде ароматные капкейки с кремом розового и синего цветов. Совсем скоро мы узнаем, кто же родится у моего сына и его невесты Агаты. Гости уже съезжаются на гендерную вечеринку и надо успеть подготовить праздничный стол.

Немного неудобно, конечно, что Агата отказалась от свадебного торжества до рождения ребенка, ведь “выходить замуж с пузом – это позор”, но мы с мужем в дела сына и его невесты стараемся не лезть. В конце концов, времена сейчас другие. Это когда я выходила замуж за Льва, первый вопрос, который всех интересовал, не залетела ли я. Ведь роды вне брака считались позором куда большим, чем выходить замуж беременной.

– Не видела, – отвечаю сыну. – Сама бы хотела знать, а то мне помощь бы пригодилась. Она наверное прилегла отдохнуть. В ее положении женщины часто устают.

– Да я ничего против не имею, просто... уже все собираются, а ее нет. Давай помогу, – Захар подхватывает из моих рук тяжелое блюдо с запеченным мясом и ворчит. – И чего ты просто кейтеринг не заказала? Просто расставила бы готовое и всё.

Я легонько щелкаю сына по носу. Ему уже под тридцать, а всё равно очевидных вещей так и не понял.

– Домашнее потому что вкуснее! Да и кто знает, из чего там в этом кафе наготовят? Агате сейчас лучше натуральными продуктами питаться, а тут всё фермерское. Поставь на стол и прикрой фольгой. Потом вынесем в беседку теплым.

Захар послушно ставит мясо на стол, заворачивает в фольгу и отряхивает руки. Как раз в этот момент в кухню заглядывает моя кума Лида.

– Никуся! Ну конечно, где тебя еще искать, как не на кухне! – всплескивает Лида руками и тут же торопится обнять своего крестника. – Ну ты посмотри, какой вымахал, а? Помню еще недавно как под стол бегал голопопый, а уже скоро у самого ребенок родится!

Захар морщится, но обнимает Лиду. Я лишь фыркаю весело. Мужчины как обычно, проявлять на людях эмоции не любят. И особенно не любят, когда им про “голопопое” детство напоминаешь.

– Я пойду пока фейерверки проверю, – стоит только объятиям крестной разомкнуться, как Захар тут же находит предлог сбежать.

– Вот же, – беззлобно ругается Лида, – нет бы поговорить, как дела рассказать.

– Да брось, Лид. Ну нервничает он. Не каждый день пол своего ребенка узнаешь, – отмахиваюсь я. – Кофе будешь?

– Спрашиваешь еще!

Кума устраивается за столом и окидывает выставленные на стол блюда восхищенным взглядом.

– Ник, ну как ты все успеваешь? И дом прибрала, и наготовила, и за собой следишь, еще и работать успеваешь. У тебя в сутках что, по сорок часов?

– Если бы, Лид, если бы, – вздыхаю я, – не спала толком эти два дня, готовилась к празднику. Агата помогала немного, но у нее токсикоз, не хочется мучить девчонку.

При упоминании имени моей неофициальной невестки Лида тут же мрачнеет.

– Ну конечно. У нас и токсикозы были и похуже даже, но всё равно и работали, и по дому всё делали, не разлеживались.

Я разливаю кофе по чашкам. Знаю, что Лида Агату на дух не переносит. У меня к невестке тоже вопросы, конечно, есть, но выбор сына – это его дело. Мое, как его матери – поддерживать и помогать.

– Да брось, Лид. Первая беременность, тяжело ведь.

– Она просто вертит Захарчиком, как хочет, а теперь и тобой! Вообще здесь в рабыню Изауру скоро превратишься, – хмуро говорит подруга, отпивая кофе. – Они же тут решили поселиться пока?

– Да, пока здесь будут. Дом просторный, всем места хватит. Тут свежий воздух, да и с ребенком на первых порах я помогу.

Лида качает головой и хотя молчит, всё равно от нее так и веет осуждением.

Я случайно бросаю взгляд на часы и всплескиваю руками.

– Ох, боже, уже ведь половина четвертого! Я побегу, умоюсь, переоденусь и хоть подкрашусь, а то так в кухонном фартуке и лохматой гостей и встречу. Тут скоро горячее поспеет, последишь? – киваю я на духовку, торопливо снимая передник.

– Послежу-послежу, не переживай, – заметно смягчившись, улыбается кума.

Я тороплюсь наверх. Пусть мне и сорок девять уже, но я всё равно привыкла наряжаться на праздники, краситься, делать укладку. Неправильно ставить на себе крест в таком возрасте. Тем более, что в душе себя я максимум на двадцать ощущаю!

Да и мой муж-бизнесмен расслабляться не дает: Льву пятьдесят, но уже год как в спортзал записался, лишние килограммы скинул, стрижку модную сделал.

Женщины на него заглядываются, поэтому и мне ему соответствовать надо. Чтобы знали – место жены давно занято!

Улыбаюсь своим мыслям. Со Львом мы душа в душу живем до сих пор. Знаю, что браку нашему многие завидуют – шутка ли, тридцать лет в браке прожить! А мы ведь не просто прожили, мы детей троих воспитали, помимо Захара еще дочек Катю и Алену, бизнес вместе развили, дом построили.

Решаю заглянуть в спальню сына и невестки, чтобы разбудить Агату, если вдруг она уснула. Дверь неплотно прикрыта, и я уже хочу толкнуть ее, но буквально прирастаю к полу, когда слышу возмущенный голос Агаты.

– У ребенка отец должен быть! Настоящий отец! Мне надоело притворяться! Я Захара уже видеть не могу, тошнит от него!

Я едва не отшатываюсь, когда меня настигает неприятное открытие, от которого жадно хватаю ртом воздух. Сердце резко начинает стучать сильнее, ладошки потеют, когда я хватаюсь за косяк, чтобы не сползти на пол, когда слышу возмущения невесты сына.

Я уже было хочу ворваться к ней в комнату, чтобы заставить признаться, от кого она беременна, если не от Захара, как вдруг слышу голос мужа.

– Не вздумай ничего разболтать. Сегодня в доме праздник, вся родня собралась на гендер-пати! – жестко осекает он невестку.

На душе теплеет, что муж печется о репутации нашей семьи, но радость быстро улетучивается.

– Если ты сам жене не признаешься, я сама всем расскажу, что ты отец нашего ребенка, а не твой сын! И разбирайся потом с последствиями, как хочешь!

Голос Агаты на этот раз звучит истерично, а до меня не сразу доходит смысл ее слов.

Мой любимый и любящий муж Лев... отец ее ребенка?

Глава 2

На несколько мгновений меня охватывает ступор. Реальность переворачивается с ног на голову, а я никак не могу этого осознать.

Это ведь не может быть правдой.

Не может...

Мой Лев – верный муж и преданный семьянин. Никогда не задерживается с работы, согласовывает все встречи с друзьями и партнерами по бизнесу. Все наши отпуска мы проводим либо вдвоем, либо семьей с детьми.

Не было ни одного звоночка, что Лев ходил налево.

– Сейчас не время, мы же уже это обсуждали, – снова звучит голос мужа, но на это раз тон ласковый и нежный, каким со мной он не говорил лет десять, если не больше.

– Я устала, Лев, – всхлипывает Агата, а затем я слышу шуршание.

Наклоняюсь чуть вперед с колотящимся сердцем и заглядываю внутрь.

В щель между косяком и дверью вижу, как она кладет голову на его грудь, а Лев прижимает ее к себе, одной рукой поглаживая за поясницу, а второй внушительный живот. И эта сцена настолько личная, что мне бы на мгновение стало стыдно, не будь этим мужчиной мой муж.

– Мое золотко... ну что ты плачешь?

– Потому что я это дурацкое гендер-пати с тобой хотела! – а это уже снова голос Агаты, плаксивый, капризный. – Чтобы все знали, что ты мой мужчина! Отец нашего ребенка!

Хватаюсь за косяк, чтобы не сползти на пол. Хочу зажмуриться и разрыдаться, но прикусываю кулак, чтобы не издать ни единого звука. Сердце слишком сильно колотится, а внутренности скручивает узлом, и я никак не могу взять себя в руки. Боюсь сдвинуться с места, так как коленки дрожат, и я не уверена, что они удержат меня. С болью и агонией наблюдаю, как Агата чуть отстраняется, а Лев поднимает руки и обеими ладонями обхватывает ее лицо. Целует в обе щеки и улыбается тепло, смотрит сверху вниз с таким защитническим взглядом, что у меня тоскливым обручем охватывает грудную клетку, зажимая рваное в клочья сердце в железные тиски.

– Ну ты же знаешь ситуацию. Пока мы не можем правду раскрыть. Потерпи немного, золотко, – убеждающе говорит Лев и присаживается на постель. Разворошенную, словно они кувыркались на ней буквально только что.

Я сглатываю, стараясь унять бурное воображение. Оно так и норовит подкинуть картинки, чем они занимались всё то время, что я пахала на кухне, готовясь едва ли не к самому важному событию перед появлением на свет нашего с Львом первого внука. Долгожданного.

А выходит, что никакой бабушкой стать в ближайшее время мне не светит. А вот муж в четвертый раз планирует стать отцом. Вот только мать не я. А невеста нашего сына.

Голова кружится от осознания того, что Лев несколько месяцев изменял мне прямо перед моим носом. И я никак не могу избавиться от мысли, что я сама подтолкнула его общаться с невестой сына почаще.

Она ведь изначально не понравилась ему. Он посчитал ее голддиггершей. Охотницей за богатыми мужиками, искательницей папика.

В первый день знакомства, когда сын привел ее к нам в дом, Лев молчал и даже не скрывал, что недоволен выбором сына. А когда мы с Агатой ушли на кухню, чтобы поговорить о своем, о женском, даже пригрозил Захару, что лишит его наследства, если он вздумает жениться на этой девке. Иначе он ее и не называл.

Захар никогда не перечил отцу до того дня. Всегда считал его примером для подражания и боготворил, стараясь брать с него пример. Готовился стать его преемником в компании, все-

гда советовался и делился планами на жизнь. Но в тот раз взбрыкнул и готов был уйти из дома и отказаться от наследства, начал свою жизнь с нуля.

Агата оказалась беременной, и я еле как уговорила Льва не горячиться и не выгонять сына. Постаралась примирить их, с трудом убедила мужа, что не прощу его, если из-за него и его подозрительности лишусь возможности увидеть в будущем внуков, ведь сын был таким же упрямым, как и его отец.

Захару ведь уже под тридцать, а Агата – первая девушка, которую он привел в дом. Я уже боялась, что он вообще не женится, так что закрыла глаза на многие странности и капризы невестки, практически молилась на нее, надеясь, что вскоре они с сыном порадуют нас долгожданным прибавлением в семье.

Агата с Захаром по моему настоянию переехали к нам в дом, и я при любой возможности пыталась сблизить мужа и невестку. Сама толкнула его в объятия этой ушлой девицы. Сама...

В груди до того сильно печет, что я с трудом дышу, но продолжаю смотреть на мужа, который в этот момент прижимает к себе Агату. Тоненький пеньюар распахивается, оголяя ее живот, и Лев целует его.

– Как долго еще терпеть, Лев? – капризно спрашивает она, топая ногой. От слез не остается и следа. Она отличная актриса. Умело вьет из Льва веревки.

– До нового года, золотко. Ты же знаешь, что у нас с Никой общий бизнес. Потерпи до нового собрания акционеров. Я уменьшу долю ее акций и вышвырну из компании, чтобы она не вставляла нам палки в колеса.

Убеждения Льва действуют на Агату благотворно. Она кивает, хоть и хмурится недовольно, а вот я застываю, как вкопанная.

Сеть автосалонов – это ведь наше общее детище, которое мы поднимали с нуля. Я вложила в мечту Льва все накопления своих родителей, которые всю жизнь трудились на заводе, чтобы обеспечить меня квартирой. Но согласились отдать нашей семье деньги, чтобы мы попытались счастья и открыли бизнес. У Льва-то была только мать, которая работала техничкой в школе, так что помочь в этом вопросе не могла, да и у него за душой не было ни гроша.

А теперь, когда наш бизнес становится одним из самых успешных и стабильных в стране, муж хочет выкинуть меня, лишив причитающейся доли. Такой подлости и гнусности от него я не ожидала.

Мы ведь всегда были друг для друга опорой. Я, в конце концов, мать троих его детей!

Меня вдруг охватывает такая злоба, что я с силой сжимаю косяк, гашу в себе желание ворваться внутрь и устроить скандал.

Нет.

Я сейчас не в состоянии не то что говорить, а даже смотреть в лицо этому мерзавцу, которому посвятила тридцать лет своей жизни. Целую вечность.

Ухожу на ватных ногах, шатаюсь словно больная, и практически ничего не вижу перед собой. Перед глазами пелена из слез, а в душе ноющая пустота.

Подхожу к окну и вижу, как во дворе суетится сын. Радостный и сияющий. Он ведь еще не знает, что невеста подготовила ему тот еще сюрприз. Двойное предательство под горьким соусом. Ведь она беременна не просто от другого мужчины, а от его отца.

Гости нетерпеливо посматривают на окна в ожидании начала праздника и главного момента, ради которого все они собрались.

Я сжимаю кулаки и выдыхаю. Все ждут сюрприза?

Что ж. Они его получают.

Глава 3

Впервые в жизни я крашусь с таким настроением, будто перед последним, решающим боем. Одновременно и обреченность, и решительность в груди буквально кипят. Кто бы только знал, чего мне стоило заставить себя уйти, не поднимать скандал и краситься, надевать платье, которое я заранее приготовила для такого торжественного события. Я невестку на руках готова была носить за внука, а теперь, выходит, что мы с ней соперницы...

Моя рука с тушью зависает, я так и не доношу ее до ресниц. Впиваюсь в собственное отражение придиричивым взглядом. Сколько ни старайся, годы берут свое. И горче всего понимать, что против молодой цветущей женщины ты не выступишь. Тело уже не такое упругое и сексуальное, сил и пыла тоже поубавилось.

Воображение невольно рисует, как лихо могли кувыркаться в постели Агата и мой молодой муж, и я невольно зажмуриваюсь до алых кругов перед глазами, только бы отогнать от себя тошнотворную картинку. Не зря мне Лида говорила, чтобы я внимательной была.

– Если мужик в возрасте в зал пошел, то пиши-пропало. У них же, чем старше становятся, тем больше они повернуты на том, чтобы доказать, что они еще мужики, что ого-го, фору молодым дадут. Вот такими тепленькими их ушлые девицы и ловят. Считай и делать ничего не надо, они сами гарцевать вокруг готовы. Как же, молодую красотку в кровать заташил, есть чем перед друзьями хвастануть на старости лет. Ты бы, может, тоже в тот зал записалась с ним?

С губ срывается горестный смешок, больше похожий на всхлип, когда вспоминаю тот разговор. Я ведь посмеялась тогда. Ну куда от меня мой Лев денется? Да, похудел, подкачался, прихорошился даже, стрижку модную сделал, но это же хорошо, что за собой стал так следить.

А мне куда? И так ничего не успеваю. Помимо того, что за домом слежу и готовлю, еще ведь надо работать. На мне все связи с поставщиками и инвесторами, я высыпаться-то не успеваю.

Но паршивее всего, что эта змеюка Агата к сыну моему подлезла. Неужели Льва устраивает делить женщину с собственным сыном? Какая же грязь, мне даже думать об этом тошно... Бедный Захар! Внутри все съезживается, когда понимаю, как новость о том, что любимая женщина обманывала его все это время, разобьет ему сердце. Он ведь ходит радостный, ребенка этого ждет...

Я выдыхаю. Сына безумно жалко, но правду он узнать должен. Страшно даже подумать, что я бы и дальше жила в доме бок о бок с беременной любовницей мужа. Готовила бы ей еду, ухаживала за ней и ни о чем не подозревала. Болтала бы даже за чаем, давала бы советы и поддерживала.

У меня просто в голове не укладывается все, что произошло. Это настолько дико, что я, отложив косметику, сильно щипаю себя за кожу на руке. Больно. Место щипка наливается красным.

Нет... не снится, что мой любимый муж променял меня на молодую невесту сына и из бизнеса хочет выкинуть. Как будто вместе с этой изменой он окончательно потерял совесть и какие-либо тормоза. Ведь тот Лев, которого я знаю, не поступил бы со мной так. Не поступил бы ведь?

Вопрос остается неотвеченным. Точнее, нет, ответ есть, просто он горький и верить в него не хочется. Поступил он, хватило духу.

Зато теперь понятно, почему Агата так против была замуж за Захара выходить, прикрываясь тем, что не хочет беременной быть на свадьбе. Разводиться ведь потом, волокита лишняя.

Невесело улыбаюсь и надеваю давно приготовленное и отглаженное платье. Специально купила его для этого праздника. Кремово-розовое, чуть свободное, но перехваченное в талии

поясом. Не стала слишком яркое выбирать, чтобы не разгадали, что болею за то, чтобы девочка была. Очень уж внучку хотелось. А теперь я этому ребенку кто?

Как бы ни хотелось запереться в спальне и как следует проплакаться, мне приходится привести себя в порядок и спуститься вниз. Гости ждут все-таки.

– Ник, ты в порядке? – перехватывает меня у лестницы на второй этаж кума.

Она вглядывается в мое лицо с беспокойством и поглаживает по предплечью.

– Ты бледная какая-то. Совсем себя не бережешь! Не отдохнула толком, а теперь наверняка давление поднялось. Тебе плохо? – Лида вроде бы отчитывает, но в то же время в голосе подруги слышится неподдельная тревога.

Такая, которой от Льва я давно не слышала.

Да что там, я давно от него вообще каких-то ярких эмоций не слышала. Complimentов. Вопросов, как прошел день и как дела. Не дежурных, брошенных только для того, чтобы заполнить паузу, а вот таких, сказанных с участием и искренним интересом.

Какая же я дура! Слепая дура! Равнодушие со стороны мужа давно стало нормой, я ведь даже не распознала, что наши с ним беседы стали как у соседей или бизнес-партнеров. Мы обсуждали проблемы, вопросы, касающиеся детей, новости. А мы как пара... это как-то ушло на дальний план. Все ведь хорошо: шикарный дом, машины, денег накопили достаточно, дети устроены, здоровье не подводит. Что еще нужно?

А нужно любви. В любом возрасте человеку нужна любовь и забота. А между нами с мужем этого как будто и не было в последнее время. Даже секс, когда случался, был какой-то... как из-за чувства долга. Но обычно находились вполне себе реальные отговорки не ложиться в кровать как супруги – устал, задержаться на работе надо, на тренировку и так далее.

– Боже, Ник, да ты вообще как статуя побелела! – нешуточно испугавшись, Лида тянет меня за собой. – Давай, присядь сюда скорее.

– Все нормально, – говорю глухо, – лучше пойдем на улицу, там гости уже собрались.

Точно, гости... я на ходу на улицу выглянула перед тем, как вниз спуститься, там даже Лев уже среди них ходит. Все уже собираются резать торт, в котором будет крем розовым или голубым цветом, в зависимости от пола ребенка. Торт, который я заказывала.

Меня осталась ждать только кума. Моя закадычная подруга.

– Да дались тебе эти гости! – ругается Лида. – Ты же в обморок сейчас грохнешься!

– Поверь мне, сейчас не только я в обморок грохнусь.

Решительно отодвинув Лиду в сторону, я направляюсь к выходу. В голове один за другим складываются пазлы, выстраивая общую картинку. Картинку, от которой в груди кипит злость обманутой женщины.

Агата в красивом струящемся платье с завитыми локонами выглядит как принцесса. Она улыбается, позируя вместе с Захаром перед фотографом, держа вместе с ним нож как раз над тортом. Гости замирают в ожидании, вот-вот должен грохнуть салют и включиться музыка.

– Ника? Куда ты? – Лев, нахмурившись, пытается перехватить меня за руку, когда понимает, что я направляюсь прямо к паре счастливых будущих родителей.

Точнее, родитель там только один. И мой обманутый сын.

– Мам? Что такое?

– Захар, отойди. Разрезать торт должен настоящий отец ребенка, – говорю я и разворачиваюсь к мужу.

Лев краснеет, бледнеет, на его лицо набегает тень.

– Ника...

– Мам, что ты такое говоришь? – перебивает Захар.

– Я говорю, что узнавать пол ребенка на гендер-пати должны родители. А папа у ребенка Агаты – твой отец.

Глава 4

– Я говорю, что узнавать пол ребенка на гендер-пати должны родители. А папа у ребенка Агаты – твой отец.

После моих слов практически все гости замолкают. Наступает оглушительная тишина. Только Лида кашляет, поперхнувшись, а фотограф замирает, перестав делать снимки.

Я же вдоволь могу насладиться последними минутами, когда невестка обманывает моего сына, меня и наших гостей. Нож из руки Агаты падает, когда Захар хмурится и убирает руку, глядя то на меня, то на свою невесту, которая переводит растерянный взгляд с меня на Льва и обратно. На сына моего при этом не смотрит, и у меня в груди всё сжимается от боли за своего ребенка, который впервые сталкивается с таким предательством.

– Мам, может, тебе отдохнуть? Ты, кажется, не в себе, – говорит, наконец, Захар, когда первая волна шока спадает.

Гости начинают между собой шушукаться, но никуда не уходят, ждут обещанного зрелища, в то время как Лев хватает меня за локоть и тянет на себя. Грубо, отчего я вскрикиваю и выдергиваю руку из его захвата.

– Не трогай меня! – шиплю на мужа, не в силах терпеть его прикосновения.

Меня буквально тошнит от него, его парфюма, запаха его тела, хотя раньше близость мужа была для меня моим личным афродизиаком и оплотом, где я могла найти успокоение от любого стресса.

– Дорогая, тебе нужно отдохнуть, ты ведь спала всего три часа, – произносит Лев.

– Три часа? – прищурившись, выплевываю я. – Я единственная, кажется, в этом доме, кому нужно было это гендер-пати. Я так старалась, готовила, не жалея сил, а никто из вас даже не позвал меня в самый ответственный момент. На стол накрыла и можешь быть свободна?

Из меня льется желчь, ведь становится до боли обидно, что меня просто использовали, чтобы устроить праздник, который явно никому не нужен. Пусть я знаю, что Агата не носит под сердцем моего внука, но в душе всё равно неприятно, что разрезать торт и капкейки, которые я лично заказывала в лучшей кондитерской и с трепетом передавала конверт, в котором был написан пол ребенка, они собирались без меня. Словно я тут пустое место. Впрочем... Так оно и есть, видимо, ведь к этому ребенку я не имею никакого отношения. В отличие от моего мужа.

– Не будем молодым портить праздник. Что на тебя нашло?

– Хочешь выставить меня сумасшедшей, Лев? Не выйдет. Я в курсе, что ты спишь с этой Агатой, и беременна она от тебя. Не позволю дурить вам обоим голову мне и Захару! Признаться сыну, прекрати этот спектакль, если в тебе есть хоть капля уважения и любви к нам!

Не знаю, на что я рассчитывала. Что муж, с которым я прожила бок о бок тридцать лет, проявит благородство, извинится? Встанет на колени и скажет, что его связь с Агатой была мимолетной интрижкой, помутнением рассудка, и что любит он только меня?

Я даже представить себе не могу, как отреагировала бы на это, но фантазировать мне и не приходится.

Лев оказывается трусом и лишь сжимает челюсти, гневно сверкая хмурым взглядом.

– Я так понимаю, фотосессия больше не актуальна? – вдруг разрезает тишину голос фотографа, но никакого ответа не получает.

Ко мне сзади подходит Лида и касается моего плеча в поддержке. Вот уж кто сразу верит мне безоговорочно, не ставит мои слова под сомнение. Я вижу, как заклятые подружки Агаты, которых та позвала явно для того, чтобы похвастаться, какого богатого парня она подцепила, включают камеры на телефонах, но у меня нет сил выгонять их. Пусть смотрят, что у них за подружка. В конце концов, мне-то как раз нечего стыдиться, это малолетней дряни и престарелому пню следует чувствовать себя уродами, которые испортили жизни другим людям.

– Отец?

Сын хмурится, в его глазах недоверие и нежелание во всё это верить, а я, наоборот, воспряла духом при виде его сомнений. Я уже было хочу рассказать о том, что увидела и подслушала в их с Агатой комнате, когда он развлекал гостей, как Агата, эта хитрая лиса, быстро берет ситуацию под контроль, умело отбирая у меня бразды правления.

– Захар, любимый, ты же не веришь этому? – жалобно шепчет она и прижимается к сыну, глядя снизу вверх такими влажными глазами, что даже мне стало бы ее жаль, если бы я не знала, какая она на самом деле дрянь.

– Я только тебе верна, Захар. Ты ведь у меня первым был, ты знаешь. Неужели сомневалась во мне? Мне так обидно, но я всё понимаю. Наверное, твоей маме наговорили что-то про меня, вот она и поверила моим недоброжелателям. Я не виню ее, в любой момент готова сдать анализы для теста ДНК. Это, наверное, нежелательно и вредно для ребеночка, но если твоя мама не верит, то я готова.

Агата едва не плачет, касаясь груди сына, заглядывает ему в глаза, не давая прервать зрительный контакт, и я наяву вижу, как его взгляд меняется. С хмурого становится светлым и виноватым, словно он совершил грех. Позволил себе усомниться в верности своей невесты. Матери его ребенка.

– Да, сынок, это какая-то глупость, и правда, – вздыхает Лев, окончательно убеждая сына в моей неправоте и клевете. – Я по-отечески помог твоей невесте, несколько раз свозил ее по просьбе твоей матери в ТРЦ, а кто-то, видимо, сделал наши фотографии, вот Ника и всполошилась, напридумывала себе невесть что. Ну, Никусь, прекращай этот цирк. Стыдно перед гостями.

Муж смотрит на меня осуждающе, но обиднее всего, что тоже самое я вижу и во взгляду сына. Он разочарован. Агата причитает, что праздник испорчен, и ей плохо, плачет, утыкаясь лицом в грудь Захара, а я тяжело дышу, жадно хватая ртом воздух.

– Мам, кто тебе сказал эту глупость? Почему тебе обязательно надо всё испортить? Ты могла это сказать всё наедине? Мы бы прояснили это без посторонних! – цедит сквозь зубы Захар.

– Сынок, я...

Договорить мне никто не дает. Агата вдруг вскрикивает и начинает стонать, плакать сильнее, кричать, что у нее тянет низ живота, что вдруг у нее выкидыш. Люди вокруг впадают в панику, а Лев вызывает скорую, пока сын берет жену на руки и воркует над ней, обещая, что с ней и их ребенком всё будет в порядке.

– Что ты наделала, мама? – рычит на меня сын. – Агата была права, когда говорила, что чувствует, что тебе не нравится и ты ей завидуешь. Если с нашим ребенком что-то случится, я тебя никогда не прощу!

Слова сына становятся для меня как плевком душу и оглушающей пощечиной, от которой я отшатываюсь, но благодаря Лиде не падаю. Сердце колотится, сжимается с такой силой, будто кто-то своим кулаком сдавливает его. Голова кружится, будто я вот-вот потеряю сознание, но никому до меня нет дела. Только Лида похлопывает меня по щекам, в то время как остальные, включая Захара и Льва, толпятся вокруг Агаты, которая плачет и просит Захара не сердиться на меня, ведь я его мать.

– Присядь, Ника, я тебе воды подам, что-то ты совсем побледнела, – говорит мне Лида, но ее голоса звучит для меня, как сквозь вату.

С ее помощью я усаживаюсь на стул за накрытым праздничным столом, но даже руки поднять не могу, чтобы похлопать себя по щекам и прийти в себя. Оно будто одеревенело и не желает мне подчиняться.

Во рту скапливается горечь, когда я вижу, как все посматривают на меня, как на умалишенную, шепчутся, что я жестокая богачка, которая недолюбливает бедную невестку из простых. Даже готова оклеветать бедную девочку, которая из-за меня может потерять ребенка.

Никто не замечает, как Лев в это время берет упавший на стол нож и разрезает капкейк. По губам змеится довольная горделивая улыбка, которую вижу только я. И теперь лишь мы оба знаем, кто родится у Агаты и... Льва.

Глава 5

– Это правда? То, что ты сказала про Льва и эту Агату? – спрашивает тихо Лида.

В беседе мы одни. Сил говорить у меня нет и я лишь молча киваю.

– Ох ты ж... – шепчет кума и опрокидывает в себя стакан воды, который только что принесла вместе с графином. – Тут бы чего покрепче...

Она наливает мне воды и сует стакан в руку. А я в таком раздрае, что он выскальзывает из ослабевших пальцев. Лида едва успевает его поймать.

– Ну и дрянь эта Агата! Я сразу как чувствовала, что эту девку в дом пускать нельзя! И Лев еще тоже, нашелся тут кавалер, хвост перед молодухой распустил! Не стыдно же?! Сыну родному такую подлянку сделал и хоть бы совесть раз уколола! Нет же, стоит, взгляда не прячет, глядя в глаза Захару лжет!

Лида причитает и я ее понимаю. Я сама до сих пор в шоке, а когда узнала, так вообще словно удар получила. Но сейчас от ее стенаний лишь еще более тошно становится.

Вне беседки суетятся, кто-то оперативно вызвал скорую. Бригаду провожают в дом, гости шушукаются, не понимая, расходиться им или нет. Да и новость обсуждают – это же надо, мамаша жениха совсем с ума от ревности сошла. А вдруг правду говорит, ты представишь?

Я зажмуриваюсь и роняю голову на сложенные на столе руки. Какой же стыд! Но, хуже всего, что мне никуда от этого не сбежать. Я не могу просто взять и уехать, мне надо что-то делать, надо достучаться до сына. Не позволю так жестоко его обманывать!

На мое плечо ложится ладонь Лиды.

– Хочешь, я попробую поговорить с Захаром? – спрашивает подруга с сочувствием.

Я вытираю горячие слезы, сбежавшие по щекам. Секундная слабость. Тяжело оставаться внешне спокойной, когда твоя привычная жизнь просто рухнула. И мне ведь не двадцать, чтобы начинать ее сначала. Мне пятьдесят через несколько месяцев. Это значит всё, я останусь одинокой до конца своих дней.

Потому что после такого предательства от человека, которому верил, как себе, тяжело оправиться. А еще потому что мужики, оказываются, в любом возрасте предпочитают помолже. И обязательно найдется такая вот Агата, готовая раздвинуть ноги, наплевав на огромную разницу в возрасте, лишь бы заарканить кого побогаче.

А женщины моего возраста уже всё – отработанный материал на обочине жизни. Деньги на развитие бизнеса дала? Бизнес этот самый развивать помогала, связи наработала, сына родила? Ну так всё, дорогая, отойди в сторонку и не мешай налаживать новое счастье.

– Тут не с Захаром надо говорить, – хрипло выдавливаю я и решительно поднимаюсь.

Во что бы то ни стало я должна вывести Льва на чистую воду! Захар не просто незнакомый мужчина, с которым за женщину можно соперничать, он его сын! Как можно вообще так нагло его обманывать?!

– Пойти с тобой?

Лида с готовностью вскакивает на ноги, вглядываясь с беспокойством в мои глаза. Конечно же я отрицательно качаю головой. Этот разговор должен быть один на один, без посторонних. Это наше со Львом личное.

Когда выхожу из беседки, голоса гостей притихают. Их взгляды притягиваются ко мне, как магнитом. Но мне стыдиться нечего. Пусть считают меня истеричкой или сумасшедшей, но это не я обрюхатила невесту родного сына! Не я предала жену, с которой в браке душа в душу прожили тридцать лет.

Захожу в дом и останавливаюсь в коридоре, откуда видно гостиную. Агата охает и держит одной рукой живот, а второй вцепилась в ладонь Захара.

– Что такое, доктор? – спрашивает он с беспокойством у фельдшера.

– Успокойтесь, ваша жена просто перенервничала. Но я рекомендую все-таки поехать с нами и лечь в стационар на пару дней. Врачи понаблюдают за состоянием, лишним не будет. Сами понимаете, срок уже приличный и лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Конечно! Это даже не обсуждается!

– Но милый... я уже лучше себя чувствую, – канючит Агата.

– Нет, любимая. Доктор прав, лучше перестраховаться, – стоит на своем Захар.

Я шумно выдыхаю. Как же легко крутить влюбленными мужчинами! Особенно когда тот ждет долгожданного ребенка. Все готов к ногам кинуть.

– Ну вот и хорошо, что всё обошлось, – а это уже до боли знакомый баритон мужа. – Но Захар прав, стоит полежать в больнице. Всего каких-то пару дней, но зато малышу точно ничего не будет угрожать.

Оказывается всё это время Лев находился в гостиной вместе с сыном и любовницей. Я смещаюсь чуть вправо и замечаю, что Агата бросает на моего мужа долгий взгляд. Лишь после этого кивает и соглашается ехать в больницу.

– Жалко только, что мы так и не узнали пол нашего ребеночка, – бормочет она жалостливым голосом, когда Захар помогает ей сесть.

– Не переживай, солнышко. Мы устроим новое гендер-пати, снова. Главное – ваше с малышом здоровье, – гладит с трепетом сын живот Агаты.

– Да, но твоя мама...

Даже отсюда вижу, как ее глаза наполняются слезами.

– Мамы на нем не будет, – отрезает жестко Захар, – это будет праздник только для нас.

Агата слабо улыбается и жмется к Захару.

Вот же стерва!

– Вы будете собирать какие-нибудь вещи в больницу? – спрашивает фельдшер, сложив медикаменты в чемоданчик.

– Конечно, – кивает сын.

– Ой, нет, я сама! – тут же резво вскакивает на ноги уже без посторонней помощи Агата.

– Не беспокойся, Захарчик.

– Аккуратнее! Я тебя провожу.

Быстро прячусь за дверь кухни. Невестка с сыном поднимаются на второй этаж, следом уходят и фельдшеры скорой, чтобы подождать на улице в машине. Я лишь надеюсь, что Лев не ускользнул никуда и выворачиваю в коридор.

С мужем мы сталкиваемся на пороге гостиной. Лев явно не ожидает меня увидеть, потому что на автомате шарахается назад. Пользуясь его замешательством, я тут же прикрываю за собой дверь.

– Дорогая, ты пришла в себя? Тебе надо поспать, ты слишком устала. Такой скандал устроила при гостях, неудобно теперь, – взяв себя в руки, Лев принимается играть внимательного семьянина.

Но мне этого спектакля хватило уже с головой.

– Как ты мог, Лев? – перебиваю, стискивая кулаки, – Я всё переживала, что ты невесту сына никак не можешь принять, а оказывается она тебя в своей койке вполне себе радушно принимала. Так ты ее ненавидишь, что ребенка даже заделал?

– Ника, – морщится Лев, как от набившего оскомину лимона.

– Почему она? Скажи, Лев, почему именно невеста Захара? Разве тебе не стыдно ему в глаза смотреть? Он ведь думает, что это твой ребенок! И не надо отпираться, я слышала ваш с Агатой разговор в спальне! От начала и до конца!

Муж, похоже, планировал до самого конца отпираться, но стоило ему услышать о том, что я стала свидетельницей их с любовницей разговора, как Лев меняется в лице. Вместо пресно-скучающего выражения лица на губах возникает ухмылка.

– А, слышала? Как она мне ртом приятно делала тоже слышала или уже ушла?

Меня парализует, словно молния через тело проходит. Широко распахнув глаза, я неверящим взглядом смотрю на мужа. Моего мужа, который никогда бы не позволил себе так со мной говорить!

А Льву как будто мало. Он словно упивается тем, как мне больно.

Шагнув ближе, он цедит мне в лицо:

– Раз слышала, значит, собирай свои вещи и проваливай. Твое время ушло. Захар твоим рассказам все равно не поверит, а доказательств у тебя нет. Если не хочешь, чтобы я тебя умалишенной выставил и без копейки оставил – уйди сама, тихо и без скандалов. Иначе остаток жизни побираться будешь, уж это я тебе гарантирую.

Глава 6

... Собирай свои вещи и проваливай... Побираться будешь... Захар твоим рассказам не поверит...

Слова мужа эхом отдаются у меня в голове, повторяясь раз за разом, словно желают свести меня с ума. Не этих слов ждешь в ответ на то, что ты знаешь об измене мужа.

“А чего ты ждала?” – спрашиваю я саму себя, глядя при этом в наглые бесстыжие глаза Льва, который щерится довольно, будто не то что ни капли не стыдится своего гнусного поступка и той жестокости, которую проявляет к своей законной супруге, так еще и гордится тем, что может сказать мне всё прямо в лицо. Не юлить и извиняться, как другие мужики, подкаблучники и слабаки, а быть настоящим мужиком и вести себя, как того хочется. Я вдруг вспоминаю все эти его слова и нелестные эпитеты, которыми он крыл когда-то своих друзей, которые ходили налево, а потом задаривали своих жен драгоценностями.

– Был бы настоящим мужиком, сказал бы всю правду в лицо, так и так, дескать, разлюбил, и ушел бы из дому. Так нет же, нюни распустил, как баба, и на коленях перед ней ползает. Сам ей в руки букет дает, которым она его же сама и отхлестает.

Так он говорил, когда его двоюродный брат признался несколько лет назад жене в измене. Мне тогда казалось, что Лев дело говорит, что его брат – никчемный трус, который обманывал двух женщин, а сейчас... Сейчас я понимаю, как была слепа, не видя в его критике ничего зазорного. Нормальных мужчин, которые испытывали вину перед женами, он не считал за мужиков, а вот тех, кто оставлял своих жен с детьми, уходя навстречу новому счастью, хвалил.

Господи, какой же я была идиоткой, что закрывала на все эти красные сигналы глаза, верила, что мой-то муж не такой, как другие. Мой Лев – настоящий лев, который всегда будет на стороне своей львицы. А оказалось, что он просто...

– Гиена, – выплевываю я, не собираясь скрывать своих истинных эмоций, раз муж позволяет себе не только обзывать меня, но еще и смеет выгонять из собственного дома, как какую-то бродяжку без роду-племени.

– Что ты сказала?! – цедит сквозь зубы Лев, сжимает кулаки и надвигается на меня.

Я же отступаю, вспомнив вдруг, что передо мной теперь не любящий муж, а совсем другой человек, который не гнушается ничем, чтобы получить желаемое и сделать всё по-своему.

– Что хотела, то сказала, – говорю я, вздернув подбородок.

– А ты не много на себя берешь, Ник, а? Забыла, кто я и какие у меня возможности? – улыбается Лев, но это больше напоминает мне оскал. И говорит вроде вкрадчиво и спокойно, но в его голосе отчетливо слышится угроза.

Его рука медленно поднимается, и пальцами он хватается за мои локоны, вертит на весу, словно демонстрирует, кто из нас главный. Он мнит себя хозяином положения, не сомневается, что я буду делать всё, что он скажет. Как это обычно и было, ведь мы были единой семьей, и я никогда не оспаривала его авторитет. Ни перед родственниками, ни перед сыном, ни перед подчиненными. Вот только если я считала свое поведение признаком гармоничной пары, где каждый должен идти на уступки и компромиссы, то Лев, видимо, стал ошибочно полагать, что он не просто глава семьи, а тиран, чьи приказы должны беспрекословно исполняться лишь в угоду ему, и только ему.

– Я-то как раз не забыла, кто ты и что из себя представляешь, Лев. Если ты забыл, я с тобой с тех времен, когда ты был никем. Нищим студентом с большими мечтами, которые я помогла тебе исполнить.

Я напоминаю ему о том, что именно я когда-то поспособствовала тому, что мы совместно открыли сеть автосалонов. Лев прищуривается, разглядывая меня со злой усмешкой, какую я никогда у него не видела, и от этого мне становится вдвойне не по себе.

– Дорогая Ника, – снова произносит с удивительным спокойствием Лев и поглаживает меня по плечам. Я дергаюсь и отодвигаюсь, не желая, чтобы он и дальше меня касался. Он слишком близко и стремится к полному контакту, словно хочет меня полностью подавить.

– Я тебе не дорогая! – перебиваю я его и сжимаю зубы.

Делаю несколько шагов назад, но упираюсь в спинку дивана. Отступить дальше некуда, и я стискиваю кулаки, впиваясь ногтями в кожу ладоней.

– Хорошо, не дорогая Ника, – усмехнувшись, пожимает плечами Лев и подходит ближе, прижимая меня к спинке сильнее. Зажимает, не давая возможности сбежать. – У тебя нет никаких доказательств, что ты вложила хоть что-то в мой бизнес. Официально он принадлежит мне, как и этот дом, наши машины, загородная вилла. У тебя же ничего нет, кроме убитой хрущевки в городе, на которую я, так уж и быть, претендовать не буду.

– Эта убитая хрущевка, как ты выразился, досталась мне по наследству, Лев, так что не петушись, проявляя якобы благородство, будешь пушить перья перед своей курочкой. А мне в уши заливать не надо, не дорогой, – последнее выплевываю, четко проговаривая каждую букву, будто вбиваю молотком сваи.

– Язык попридержи, старая маразматичка. Ты без пяти минут разведенка без гроша за душой, а если я очень сильно разозлюсь, то следующие лет десять ты проведешь в местах не столь отдаленных.

– Угрожаешь? Так уверен в своих умственных способностях?

Я вздергиваю бровь и пытаюсь хорохориться, не показывая, как мне страшно находиться рядом с мужем, который мне совсем не знаком. Не с этим человеком я провела последние тридцать лет своей жизни. На секунду даже кажется, что это кошмарный сон, и я вот-вот проснусь, но время идет, а ничего не меняется.

– В общем, даю тебе времени до возвращения Захара и Агаты из больницы. Как только они вернутся, ни тебя, ни твоих вещей в доме быть не должно. Усекла? Ты меня знаешь, я дважды повторять не люблю.

Лев хлопает кулаком по спинке дивана, заставляя меня зажмуриться, а затем уходит, посчитав наш разговор законченным. Я же тяжело дышу и прижимаю руки к груди, пытаюсь унять запылочно колотящееся сердце, которое так сильно бьется, что меня немного тошнит.

Мысли ворочаются в голове вяло, но все они сводятся к одному. Я должна вывести на чистую воду Агату. Не позволю ей и Льву запудрить мозги сыну. А с угрозами мужа разберусь позже. И у меня припрятан козырь в рукаве, так что свои угрозы он может засунуть себе в одно место, да куда поглубже.

Лида, как только слышит, что я собираюсь ехать следом за скорой помощью в больницу, сразу же подрывается и идет со мной. Отбирает у меня ключи, запрещая самой вести машину, так что у меня есть где-то полчаса перед встречей с Агатой тет-а-тет.

Когда мы подъезжаем, у больницы я вижу две машины. Одна принадлежит Льву, вторая – Захару. Но когда я вхожу, они оба окружили врача и терроризируют его вопросами, так что у меня есть немного времени, чтобы побыть с Агатой в палате наедине.

Вот только на этот раз я поступлю по-умному. Включаю диктофон на телефоне и только потом вхожу. Сжимаю зубы при виде вальяжно лежащей на кушетке Агаты. Вид у нее настолько довольный, что мне так и хочется стереть это самодовольное наглое выражение с ее лица.

Я ведь всё для нее делала. Старалась окружить заботой, мягко ввести ее в семью. С нетерпением ждала пополнения в нашей семье и даже терпела ее капризы и подколки, которые списывала на беременность и гормоны. А оказывается, всё гораздо проще.

Агата вознамерилась украсть моего мужа и заграбастать наследство, которое принадлежит Захару по праву рождения. Оставить нас обоих за бортом.

– Что вы тут делаете? – прищурившись, недовольно говорит Агата, когда замечает меня. Ее голос на этот раз кажется мне визгливым и неприятным.

Я не отвечаю. Толкаю дверь обратно и закрываю его на замок. Никто не мешает нам поговорить откровенно. Я выведу ее на чистую воду.

Глава 7

Когда разворачиваюсь к Агате, замечаю в ее глазах испуг. Он мелькает всего на секунду и тут же она берет себя в руки. Это даже немного веселит. Неужели любовница мужа боится оставаться со мной один на один? Откровенного разговора опасается или думает, я ей в космы вцеплюсь?

Я и впрямь была бы не против их проредить, но я здесь не за этим, а ради дела. Пока не время для эмоций.

– Имейте в виду, мне нельзя волноваться! Я в положении! И вообще сейчас закричу, – тараторит Агата.

Она беспомощно барахтается на кушетке, прежде чем ей удастся сесть.

– Не переживай, таскать тебя за волосы не собираюсь. Может ты меня и считаешь выжившей из ума старухой, но я таковой не являюсь. Я просто пришла поговорить. Как женщина с женщиной.

Я ставлю стул рядом с кушеткой Агаты и сажусь на него.

Очевидно, что скандалить и говорить на повышенных тонах не выход – во-первых, услышат, а во-вторых, этим ничего не добьешься. Это с виду невестка девочка-припевочка, но я не мужик, меня невинными глазками и большой грудью не отвлечешь. Так что я выбираю мягкую тактику.

– Нам с вами не о чем разговаривать.

– Ну как же, – хмыкаю я, – у нас с тобой много общего. Ты вроде как моей невесткой должна была стать, а в итоге метишь уже на место жены своего свекра.

Как ни пытаюсь, сарказм все равно прорывается. Тяжело мне удержать себя в рамках и строить из себя понимающую, когда ото всей этой истории тошно.

– Не понимаю, о чем вы, Вероника Дмитриевна.

На секунду прикрываю глаза, чтобы не вскочить и не встряхнуть эту дрянь за плечи как следует. Агата еще и голосок такой жалобный делает, будто я сама себе всю эту сцену в спальне между ней и моим мужем придумала.

Но нет. Все это было наяду, к сожалению.

– Ты ведь тоже женщина, – собрав все остатки самообладания, я пытаюсь поговорить мирно, – поверь мне, молодость проходит быстро. Не проходит даже – пролетает. Вроде вот только тебе двадцать, моргнул, а уже первые морщинки появляются.

– К чему вы клоните? – хмурится невестка.

– К тому, что ты тоже когда-нибудь окажешься на моем месте. Или твой ребенок, возможно, если это будет девочка. Да даже и мальчик. Представь, что с ним поступят так же, как ты сейчас поступаешь с Захаром.

Агата дергается, открывает рот, чтобы ответить, но я жестом останавливаю.

– Я ведь не против развода. Оставайся со Львом. Я после всего этого с ним даже в одном помещении находиться не собираюсь, не то что жить одной семьей. Забирай себе. Ребенка родишь, будешь жить с ним. Только признайся Захару. Расскажи правду. Пожалуйста. Я сейчас... я как мать тебя прошу. Ты ведь тоже скоро мамой станешь...

Нахмурившись, невестка смотрит на меня исподлобья. Размышляет и я с тревогой жду от нее ответа. Но вместо нормальных слов она вдруг принимается громко навзрыд плакать.

– Оставьте меня в покое! Что вам нужно?! Вы хотите, чтобы я ребенка потеряла?! Вы этого добиваетесь?! – кричит Агата визгливым тоном.

Слишком громко, чтобы это было настоящими рыданиями. И глаза у нее совсем не красные.

В дверь кто-то ударяет, а когда она не поддается, удары сыпятся уже градом.

– Агата! Агата, что там происходит?! – слышится обеспокоенный голос Захара.

Именно в этот момент невестка выдает себя. Она зыркает на меня полным ненависти взглядом, забыв, что только что вообще-то рыдала, и ухмыляется зло.

– Тут твоя мама!

– Мам?! Ты что там делаешь?! Открывай дверь немедленно!

– Ника, открой сейчас же! – басит муж, колотя вместе с сыном в дверь.

Агата улыбается злорадно. Понимая, что ничего я больше не добьюсь, поднимаюсь со стула и сама отпираю дверь, которая уже ходуном ходит. И как по команде врубается та же пластинка – нытье невестки сразу же раздается за спиной.

– Что такое?? Она тебя ударила?? – Захар, зыркнув волком, тут же бросается к Агате.

Та всхлипывает, утыкается ему в грудь, хватается за рубашку и вся дрожит. И никто из них не видит, что эта сцена насквозь фальшивая.

– Захарчик, я... я уже в чем угодно готова признаться, лишь бы только это прекратилось! Я больше не могу! – сотрясается она от плача, заикается даже, – Давай я просто скажу, что она хочет услышать, и можем расстаться! Раз твоя мама считает, что так будет лучше, раз считает, что я тебе не пара... Я переживаю за ребеночка, я ведь его так потеряю... наверняка твоя мама только рада будет...

Агата всхлипывает, безбожно давя на больное.

– Боже, что ты такое говоришь?? Видишь, до чего ты ее довела?! – срывается на меня Захар, – Мама, какого черта ты не уgomонилась?? Что тебе нужно от нее??

Лев мрачнее тучи. Он всегда такой, если его гордость уязвляют, а тут новая женушка плачет, срочно надо разобраться с обидчицей.

– Иди сюда! – рывкает он и, схватив меня за руку, выволакивает из палаты.

Все происходящее так абсурдно, что я даже никак не реагирую. Наверное свою дозу шока и слез я сегодня получила, так что вырываю ладонь из хватки, когда мы оказываемся в коридоре, и спокойно отрезаю:

– Успокойся, я уже и так собиралась уходить.

– Ты что устраиваешь?? – шипит Лев в лицо, – Ты с первого раза не поняла?? Проблем хочешь? Ну так я тебе их устрою!

Муж дергается ко мне, до хруста сжав кулак. Он... ударить меня собрался?

Я тут же ошетибилась:

– Только тронь!

Лев скрипит зубами, озирается по сторонам. Понимает, что и свидетелей слишком много, и при разводе побои не в плюс ему пойдут.

– Убирайся отсюда, – выплевывает он, – и чтобы возле Агаты я тебя больше не видел. Манатки собирай и чтобы сегодня духу твоего в доме не было.

Он скрывается в палате, а я еще несколько секунд отхожу от вывода, который меня как удар молнии поразил.

Лев только что чуть не ударил меня. Никогда! Никогда муж себе даже замахнуться на меня не позволял. А если бы сейчас не было посторонних глаз? Что тогда? Внутренний голос подсказывает, что совсем не пожалел бы.

Нервно тру шею. Как же плохо я, оказывается, знаю своего мужа... точнее не так. Как же он изменился, когда у него появилась другая любимая женщина... А я теперь, выходит, пустое место? Со мной теперь нельзя по-человечески?

Я бреду к кофейному автомату, который заметила у входа в отделение. С утра во рту не было ни крошки, я бегала в мыле, готовилась к гендер-пати, к долгожданному празднику, на котором узнала бы, кто родится у сына – внук или внучка.

А ведь, не пойдя тогда чуть раньше наверх, не застала бы той сцены и ведь сидела бы сейчас на празднике, пока Агата смеялась бы надо мной, оставив круглой дурой. С разочаро-

ванием выключаю диктофон. Пока никого на чистую воду вывести не удалось, но это только начало.

Ароматный кофейный запах бодрит и я успеваю сделать глоток, когда кто-то внезапно пихает меня в бок.

Чуть не подавившись, я оборачиваюсь и хочу уже отчитать неуклюжего незнакомца, но застываю, когда вижу перед собой Агату.

– Что, думаете я не поняла, что вы не просто так ко мне пришли? У вас наверняка диктофон или камера были заперты, а может и все вместе.

Агата подступает ближе, чтобы никто посторонний нас не услышал, и говорит:

– Только попробуй подойти ко мне снова, старушенция, и я такой скандал устрою, что Лев тебя точно в какую-нибудь психушку упечет. Лучше не лезь не в свое дело и Захар все узнает, когда надо будет. А сейчас сделай всем милость – просто исчезни и никому не мешай.

Сейчас невестка даже не скрывает неприязни и это почему-то удивляет меня больше всего.

– Почему? Почему ты такое говоришь? Я же сказала, что можешь забирать своего Льва со всеми потрохами! Как ты вообще так можешь? Я же к тебе как к родной дочери относилась!

– Да мне твоя забота поперек горла вместе с твоими дурацкими домашними пирожками, – шипит Агата, – я тебя на дух не переношу с самого начала. Но забавно было смотреть, как ты блинчики мне жарил после того, как я тайком с твоим мужем в кладовке обжималась.

Она хмыляется, бесстыже глядя мне прямо в глаза. А мне будто кулак под дых всаживают.

Еще оставалась хоть какая-то слабая надежда, что все это гадство происходило не под крышей нашего дома, а где-нибудь в отеле. Не там, где я с любовью подбирала каждую деталь: заказывала у мастеров стол, мебель, пошив штор, да что угодно! По крупице создавала уютное семейное гнездышко, куда хотелось возвращаться после работы, где приятно было коротать вечера. А его вот так просто взяли и осквернили...

Я стискиваю свободную руку в кулак, чтобы не вцепиться потаскухе пощечину, и едва сдерживаюсь, чтобы не плеснуть ей в лицо горячий кофе. В любом случае я останусь в проигрыше – и этого Агата как будто ждет, подначивая меня:

– С тобой-то Лев не особо супружеский долг исполнял, да? Неудивительно, старухи никого не привлекают.

Усмехаюсь.

– К твоему сведению, Лев старше меня на три года. И это сейчас он хорохорится и скачет как молодой сайгак, перед тобой выделываясь. Но пройдет пару десятков лет и рядом с тобой останется дряхлый старик, из-под которого ты будешь выносить утки. Но это неудивительно, что он тебя привлек, крыс всегда на тухлятинку тянет. Кстати, на вот, допей, – впихиваю в руки Агате свой стаканчик с кофе, – это ведь по твоей части за другими остатки подбирать.

Секунду наслаждаюсь ошалевшим от такой отповеди лицом любовницы мужа и, развернувшись на невысоких каблуках, направляюсь к выходу. Агата что-то вопит вслед, но я уже не обращаю внимания. Мысли заняты совсем другим.

Раз все вытирают об меня ноги, значит пора переходить к другому плану – самой изощренной и лютой мести за все унижения, что я пережила.

Глава 8

Когда я выхожу на улицу, жадно хватаю ртом воздух и опираюсь спиной к стене, так как от шока и слабости кружится голова. Несмотря на ту уверенность, что я демонстрировала Агате, внутри меня всё дрожит, не каждый ведь день на тебя вываливаются такие неприятные новости.

Мало того, что муж изменил и заделал ребенка на стороне, так еще и не признается, выставляя меня перед гостями ненормальной дурой, которая на фоне ревности сына к невестке выдала такое, во что не каждый поверит. Так и сын встает на сторону своей любимой, в ней он уверен на все сто.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь понять, для чего Лев затеял всё это. Ну разве не мог, как нормальный мужик, просто признаться, что предал, изменил, потребовать развода, чтобы мы расстались, как цивилизованные люди. Так нет же...

Он ломает трагикомедию, пудрит мозги сыну и преследует какие-то свои меркантильные цели. Не сомневаюсь даже, что его игра связана с деньгами и бизнесом, который давно вскружил ему голову.

Вспоминаю в этот момент, каким он был в молодости. Босоногим мечтателем, который хотел помогать ближним, жертвовать оставшиеся от зарплаты крохи в детские дома и приюты для животных. Осуждал богачей, которые сидели на своем злате и лишь копили деньги, не помогая нуждающимся. А спустя годы, когда сам стал одним из богачей...

И как я не заметила, что с возрастом он изменился, и не в самую лучшую сторону?

Неужели настолько была ослеплена любовью, что не замечала очевидного?

Не виню себя, стараюсь внять разуму, который твердит, что всё ведь происходило незаметно. Он ведь не сразу стал таким черствым мудаком, а лишь со временем. Постепенно, шаг за шагом отдалялся от того мужчины, в которого я когда-то влюбилась.

– Ника? Ты как? Поговорила с этой дрянью? Что она сказала? – доносится до меня вопросительная интонация Лиды.

Она всё это время ждет меня снаружи, хоть я и пыталась убедить ее, что обратно доеду сама. Когда она хватает меня за руки, слегка сжимая мои пальцы в поддержке, я благодарно улыбаюсь. Обычно предпочитаю переживать свое горе наедине, когда рядом никого нет, но в этот раз всё иначе. Рада ее присутствию, ведь ее тепло дает мне понять, что я в своей беде не одна.

Всю жизнь полагалась на мужа, а затем и на сына, считала их самыми близкими людьми, которые никогда не предадут и будут рядом, поддержат, когда мне больше всего нужна будет помощь. Но когда в мой дом приходит истинная беда, их не оказывается рядом. Именно они оба и становятся причиной моих слез. Защитниками Агаты, которая становится для меня той самой роковой бедой.

– Поговорила, – отвечаю я Лиде. – Она оказалась гораздо хитрее меня. Подстроила всё и выставила меня злодейкой в глазах сына. Захар теперь считает, что я хотела выкидыша у Агаты.

К концу речи мой голос затихает, и я всхлипываю, больше не в силах держать боль и обиду в себе. Утыкаюсь в плечо Лиды и ненадолго позволяю себе слабость в виде слез. Она обнимает меня крепко и не отходит ни на шаг. Но молчит, чему я радуюсь, так как слова сожалений мне сейчас не помогут. Молчаливое утешение как нельзя кстати.

В себя я прихожу довольно скоро, когда понимаю, что мы на виду, и в любой момент наружу могут выскочить Лев или же сам Захар. Сегодня его обвинения в черствости я уже не выдержу, мое сердце не способно пережить столько предательства за один день.

– Лид, можно я у тебя остановлюсь на пару дней, пока не найду новое жилье? – спрашиваю я у нее, когда мы снова садимся в машину. Она за руль, а я на пассажирское сиденье.

– Конечно, могла бы и не спрашивать. И не на пару дней, а сколько потребуется. Мой Пашка еще две недели в больнице будет лежать, так что составишь мне компанию, а потом что-нибудь придумаем. Ты уверена, что хочешь оставить дом? Он ведь ваш совместно нажитый, не забывай. Позволишь этой малолетней дряни победить?

В словах Лиды есть зерно истины, но ей меня не понять. Дело ведь не только в том, чтобы обозначить границы и свою власть, но и сберечь свои чувства.

– Нет, Лид, я не смогу.

Когда мы подъезжаем к дому, во дворе уже никого нет. Валяется только мусор, который никто не удосужился убрать за собой, но при этом гости забрали еду. Усмехаюсь тому, какие наглые знакомые и подружки у Агаты, прямо под стать ей. Приходят в чужое жилище, обносят его и оставляют после себя одни лишь ошметки.

Дом, когда я вхожу внутрь, выглядит опустевшим, словно из него ушел уют. Я осматриваюсь вокруг каким-то новым взглядом, касаюсь мебели, которую выбирала с любовью, с таким трепетом, что на душе снова возникает удушающее волнение.

Я столько сил вложила в этот дом, в каждую его частичку, но теперь он был отравлен дыханием Агаты и ядом Льва. Как только я закрываю глаза, никак не могу избавиться от мысли, что именно здесь, прямо под моим носом, мой муж наставлял мне рога.

Нет.

Я не смогу здесь больше жить.

Пусть Лев думает, что победил, что заставил меня подчиниться его приказу и уйти, поджав хвост. Уж лучше так, чем гордо продолжать жить в доме, который больше не является ни моей опорой, ни моей крепостью.

Рано или поздно мысли доконают меня и отравят мою жизнь.

Я беру с собой только один чемодан. Всё самое необходимое, включая документы, украшения и наличку, что нахожу в сейфе. И это как нельзя кстати.

Когда на следующий день я иду к адвокату, чтобы обсудить с ним предстоящий развод, и уже хочу перечислить первый платеж, все мои счета оказываются заблокированы.

Лев не берет трубку, сколько бы я ни долбилась, так что приходится звонить сыну. Я не надеюсь, что он станет со мной разговаривать, ведь он не прочитал ни одно мое сообщение, где я попыталась еще раз донести до него, что я не вру. Просила сделать его тест-ДНК, но в итоге добилась лишь того, что он меня просто заблокировал в мессенджерах.

Гудок. Второй. Третий.

Я уже хочу разочарованно сбросить вызов, как вдруг слышу родной голос по ту сторону.

– Чего тебе?! – рычит Захар, и мое сердце кровью обливается, что он мне так грубит.

Я ведь помню его маленьким, когда он нуждался во мне сильнее, чем в ком бы то ни было. Не мог уснуть, если меня не было рядом и я не пела ему колыбельную. Бежал ко мне со своими проблемами, ведь я всегда его выслушивала и никогда не рубила с плеча, не наказывала, не разобравшись. А теперь... Теперь в его жизни другая главная женщина. Агата.

– Послушай, сынок, ты не знаешь, что с моими...

– Счетами? – догадывается он и хмыкает так, что мне становится от его интонации не по себе. – Они все заблокированы. Ты признана невменяемой, я решил поддержать отца. Возвращайся домой, мам, я согласен с отцом, что тебе нужно лечение. Отец рассказал уже мне, что у тебя проблемы весь последний год и ты отказывалась лечиться, так что мы были вынуждены пойти на крайние меры. Пока не прокапаешься и врач не выпишет тебе справку, я не подпущу тебя к Агате. Так что ты не станешь артачиться и ляжешь в больницу. Ясно?

Я слушаю сына молча.

Не потому, что согласна на все его условия. Нет.

Я в шоке. Думала, что удивить меня уже нельзя, но ему и Льву удастся не просто поставить меня на колени, но и обрезать сухожилия.

Становится горько, когда я осознаю, что Лев давно планировал сделать меня умалишенной. Вот для чего он просил Агату подождать. Хотел отобрать у меня власть над акциями. Имуществом. Собой. Даже документы о моей невменяемости подделал. И что мне теперь делать дальше? Куда идти, когда даже самые близкие люди предали?

Глава 9

– Ты слышишь, мама? – вырывает меня из горьких мыслей голос сына.

Я невесело хмыкаю.

– Такого я от тебя не ожидала, Захар...

– Мам, не начинай. То, что ты творишь, уже ни в какие ворота не лезет! Вся родня про нас судачит, соседи, знакомые шушукаются, что ты невестку к своему мужу приревновала и концерт устроила на гендер-пати. Очевидно, что ты не в себе. Да, возможно с недееспособностью мы погорячились, но, поверь, мы с отцом думаем о тебе. Это для твоего же блага. Возвращайся домой. Агата не против, она готова тебя простить.

В груди вскипает злость. Ну надо же, любовница мужа, которая умудрилась залететь от него и запудрить мозги еще и моему сыну, великодушно готова простить! Наверное мне в пояс ей поклониться надо, змеюке этой?

– Ах, правда? Готова меня простить? – цежу я сквозь зубы, стискивая телефон до побелевших костяшек, – Как трогательно. И пустить меня в мой собственный дом не против, ну надо же.

– Мам, прекращай, – в голосе сына звенит сталь, – тебе придется подружиться с моей будущей женой, если хочешь видеть внука.

– Никакого внука нет! Я знаю, что ты сейчас скажешь, но просто сделай тест ДНК. Тайком хотя бы. Ну или, раз ты так в своей невесте уверен, то в открытую потребуй. Это же такая малость, Агата сама должна быть не против, если свою честность доказать хочет.

– Хватит! – рывкает Захар, прерывая мою тираду, – если к вечеру не вернешься домой, объявим тебя в розыск. Не доводи до крайностей.

Последняя надежда на здравомыслие сына гаснет, так и не разгоревшись. “Не доводи до крайностей”... Интересно, на что еще Лев способен? На что подобьет сына, пытаюсь выставить меня то ли сумасшедшей, то ли пострадавшей от нервного срыва. Меня уже и так все считают ревливой истеричкой, а прямо сейчас самые родные люди документы подделали, чтобы я в бизнес не вмешивалась. Бизнес, который в том числе благодаря и моим усилиям расцвел!

– Твой отец попросту пользуется тобой, и ты ему веришь, а не мне... Если и дальше не будешь смотреть дальше собственного носа, то уже скоро на моем месте окажешься. И отец тебя так же вышвырнет и из семейного бизнеса, и из дома, как и меня.

Не дожидаясь, что ответит Захар, сбрасываю вызов сама.

Хочется позвонить Льву и высказать все, что о нем думаю, но прекрасно понимаю, что этот взрыв эмоций ничего не даст. Скорее всего даже хуже сделает.

Хорошо, что у меня помимо счетов деньги есть в кубышке. Приличную сумму я отдавала на хранение своей куме. Лида зарабатывает хорошо и я ей доверяю, так что совсем без средств не останусь. Но мне нужны деньги еще и на адвоката, причем отличного. Что-то мне подсказывает, что мой муженек как акула будет пытаться выгрызть у меня бизнес. Там ведь еще и молоденькая любовница подзуживает.

Мне бы попасть в свой офис, забрать документы и наличные из сейфа...

Мысли прерывает звонок телефона. На этот раз на дисплее высвечивается имя нашего со Львом зама, Сергей Сазонов.

– Да, Сереж? Что-то случилось? – спрашиваю сразу же, как только беру трубку.

Из динамика слышится нервный смешок.

– Ник, это я у тебя должен спросить, что случилось.

По натуре Сазонов еще тот балагур и даже сейчас пытается хохмить, хотя по тону ясно, что дело серьезное.

– В двух словах не расскажешь. А если коротко – мы с мужем разводимся. Он тебе уже сказал?

– Да как сказать, – хмыкает Сергей.

– Сереж, не томи, выкладывай. Мне загадок уже с головой хватило.

– Короче, сказать он ничего не сказал. Но только что секретарше своей сказал оповестить всех акционеров и собрать внеочередное заседание. Ты ж знаешь, мы с Ленкой на короткой... ну, ты понимаешь. Она мне и рассказала. Ты в курсе?

– Нет, Сазонов. Спасибо, что позвонил.

– Давай, если что узнаю еще – отзвонюсь.

Мы коротко прощаемся и я с глухим стоном опускаюсь на скамейку возле юридической конторы, где и обнаружила, что мои счета заблокированы.

А Лев времени не теряет. Быстренько документы состряпал, сына убедил, что мать не в себе и, пока разобраться ни в чем не успели, попытается отжать мой процент в фирме. Часть акций, которой мы владеем, мы поделили между собой еще в самом начале. И теперь мою долю Лев будет пытаться взять под свое управление.

Уверена, как только у него это получится – сразу же провернет сделку по продаже и “выкупит” ее сам за бесценок. Если не любовнице своей решит подарить. С него станется, он же сейчас совсем другим местом думает. И можно потом сколько угодно ходить по судам и доказывать, что это всё махинации. Даже если суд встанет на мою сторону, это не значит, что мне вернут всё имущество. Лев вполне может себя банкротом объявить, чтобы ни копейки мне не досталось.

Вот так я в почти пятьдесят лет останусь без ничего? Столько лет пахать, работать на износ, детей не видеть, чтобы потом Лев вышвырнул меня и все отдал какой-то пигалице?

Ну уж нет.

Я решительно поднимаюсь с места и шагаю к своей машине. Если мой дорогой муженек хочет войны, он ее получит.

Глава 10

Первым делом я обращаюсь в психиатрическое отделение за справкой, которую выписывает мне настоящий врач. Уж не знаю, кого Лев подкупил, чтобы добыть липу, которая выставляет меня сумасшедшей и недееспособной, но он, видимо, из-за новой любви позабыл о том, что заведующий психиатрической клиники – мой бывший одноклассник, с которым мы в школе были дружны.

Получив справку о том, что со мной всё в порядке, я уже не сомневаюсь, что буду делать дальше. Звонок Сазонова всё расставляет по своим местам, так что сомнений в том, что это настоящая война, у меня больше нет.

Лев жесток ко мне, будто за мгновение позабыв о том, через что мы прошли, готов даже упечь меня в психушку ради того, чтобы удовлетворить свою любовницу и отобрать всё, что мы нажили непосильным трудом, у меня и нашего сына.

Когда я думаю о Захаре, в груди печет от смеси обиды и негодования, что мой собственный сын готов пойти на такие крайности, только лишь бы заткнуть мне рот. Настолько уверен в невинности своей невесты, что идет на поводу у отца, которому на него совершенно плевать.

И если поведение Льва меня ранит, так как я отдала ему лучшие годы своей жизни, думая, что после свадьбы нас ждет “долго, счастливо и до самой смерти”, то вот предательство и неверие сына разрывает на части, рвет сердце на кровавые ошметки, мешая полноценно дышать и будто помещая меня в мой личный ад. Я буквально задыхаюсь от разочарования и чувства несправедливости, и все эти эмоции подзуживают ехать к Наумову. Главному конкуренту нашей с Львом фирмы и его злейшему врагу.

Сердце колотится, ладони потеют, а голова кружится, пока лифт везет меня на верхний этаж нового бизнес-центра, который Глеб Наумов построил для своей фирмы. Лев страшно бесился, когда узнал об этом. Ведь у его врага появилась новая игрушка, которую хотел бы Лев, да вот незачем.

Глеб Наумов появился в нашем городе лет десять назад, но довольно быстро выстроил собственную империю, в которую входила не только сеть автосалонов, но и строительный бизнес, и ювелирный.

Играючи он не просто стал фигурой значимой величины в городе, но и стал конкурентом Льва, за короткие сроки достигнув таких высот в продаже автомобилей, каких Лев достигал более двух десятилетий.

Целый холдинг, которым управляет холостяк на пять лет младше Льва. Это особенно сильно выводило мужа из себя, так как к пятидесяти годам у него появился кризис среднего возраста. Он стал больше времени проводить у зеркала, сел на диету, стал усиленно заниматься спортом и следить за собой. Иногда мне даже казалось, что подсчитывает седые волоски.

И как я не заметила, что Лев настолько боится своего реального возраста, что завел себе молодуху? Неужели решил, что так помолодеет сам?

Встряхнув головой, выбрасываю эти мысли. Не собираюсь больше заниматься самобичеванием. Пора действовать, чтобы не просто утереть Льву и его крале нос, оставив ни с чем, но и преподать предателю-мужу урок, который он никогда не забудет.

– Вероника Дмитриевна, рад вас видеть. Как узнал, что вы хотите почтить мой офис своим присутствием, отменил все дела, – улыбается при виде меня Наумов и наглым взглядом рассматривает меня с головы до пят.

Мне всегда казался его взгляд чересчур откровенным. Едва ли не раздевает, отчего сердце всегда бешено колотится, ускоряя пульс и поднимая давление. Будто его глаза – рентген, которым он видит меня насквозь.

– Благодарю, что согласились на встречу сегодня, Глеб Анатольевич. Дело и правда не терпит отлагательств.

Я удивлена, что он отодвинул свои дела, чтобы встретиться со мной, но вида не подаю. Незачем ему знать, в каком отчаянном я положении. Пусть я и хочу продать акции компании, но не желаю продешевить. В конце концов, в дело был вложен мой немалый труд, который я высоко ценю.

Наумов опирается бедром о стол, но даже в такой позе выглядит огромным, словно медведь. Широкоплечий. С длинными ногами и узкими бедрами, он совсем не походит на почти моего ровесника.

Лицо у него квадратное, с жесткими чертами, а на скулах видны небольшие шрамы, которые его совсем не беспокоят. Невольно сравниваю с Львом, который вывел несколько шрамов лазером, приговаривая, что лицо бизнесмена должно быть безупречным, ведь он – лицо компании, и это лицо должно быть идеальным.

– Ирочка, сделай нам кофейку, как ты умеешь, будь добра.

Наумов улыбается секретарше, и та краснеет, и мне становится вдруг неловко от этой сцены. Неужели он спит с ней? Разве это профессионально?

Прикусываю язык, чтобы не ляпнуть ничего лишнего. Не мое это дело.

– Какой вы предпочитаете, Ве-ро-ни-ка, – певуче тянет мое имя по слогам Наумов, перекачивает его на языке и лукаво дергает губой. – Я ведь могу к вам так обращаться? Вашего цербера-мужа на горизонте не видно, так что я могу позволить себе подобную вольность к красивой женщине.

Он со мной флиртует. Черт-черт-черт.

На всех значимых раутах города мы со Львом часто пересекались с Наумовым, я замечала на себе его порой уж слишком откровенные и горячие взгляды, но он никогда не позволял себе лишнее. Был предельно вежлив и учтив, когда подходил к нам, но Лев никогда не давал мне слова, чуть ли не затыкал. Словно ревновал, вдруг осознаю я, но этот факт меня больше не трогает.

– Вероника Дмитриевна, – поправляю я Наумова, не собираясь потакать его флирту. – И кофе я не пью. Зеленый чай, полезен для фигуры.

Не знаю, зачем это сказала, и надеюсь, что не краснею, выдавая себя с головой.

Вот что на меня нашло? Какое ему дело до моей фигуры?

– Уверяю вас, вам это совершенно не нужно, – подмигивает мне Наумов. – В нашем возрасте нужно баловать себя и доставлять удовольствие. Когда, если не сейчас?

Сглатываю, слыша в его голосе какой-то намек. Про какое это такое удовольствие он говорит?

– Неприлично делать акцент на возрасте дамы, Глеб Анатольевич, и со своим удовольствием я разберусь сама! – едва ли не шиплю я, так как он переходит всякую грань в общении.

Запоздало осознаю, как двусмысленно звучат мои слова, но поздно брать их назад. Они произнесены и прекрасно услышаны. Мужчина не смеется, хорошо владеет собой, но вот взгляд выдает его с головой.

– Джентльмен из меня не ахти, Вероника Дмитриевна, не серчайте, – кается он и качает головой. – Я вырос в глуши, где возраст женщины считался ее главным достоинством. И вы им несомненно обладаете.

И почему мне кажется, что любой разговор он переворачивает в свою пользу? Снова намек, но такой завуалированный, что мне даже ответить нечем. Боюсь снова сказать что-то не то.

– Сделаю вид, что этого не слышала, Глеб Анатольевич. Для человека вашего возраста вы совершенно не обладаете чувством такта.

Я, конечно, пришла сюда предложить ему сделку, но не намерена молчать, если его обращение со мной мне не по душе.

– Старые привычки с возрастом не меняются, но правду говорят: старый конь борозды не испортит.

Он снова это делает. Вздергивает даже игриво брови, заставляя меня в очередной раз нервничать, да так, что мне становится жарко.

Машинально касаюсь горла, чувствуя себя уязвимой, но поджимаю губы, стараясь придать себе серьезный вид. Я здесь ради дела, а не для того, чтобы, как многие знакомые жены бизнесменов средней руки, флиртовать с привлекательным миллиардером, владельцем газет, заводов и пароходов, чтобы урвать себе мужика побогаче.

В конце концов, я и сама приложила руку к основанию сети автосалонов. Я не какая-то охотница за богатствами, желающая подцепить папика.

Ловлю на себе равнодушный взгляд секретарши и едва не морщусь. Мне ведь пятьдесят, я уже давно в этой сфере неликвид, так что несмотря на мою привлекательность, даже красotka из приемной Наумова не рассматривает меня, как искательницу богача.

Когда мы остаемся в его кабинете одни, и секретарша уходит, оставив нам чай и кофе, я сразу беру быка за рога.

– Глеб Анатольевич, вы человек занятой, и я бы не хотела отнимать у вас много времени. Хотела бы сразу перейти к делу, которое, как я уже сказала, не терпит отлагательств.

– Хотите продать мне свою долю в компании?

Я замолкаю и удивленно смотрю на Наумова, который буквально читает мои мысли. Я ведь никому не говорила о своих планах. Что еще удивляет, так это резкая перемена в нем. Как только речь заходит о делах, он преображается, сбрасывая маску дамского угодника. Словно передо мной два разных человека.

– Откуда...

– У меня свои источники, Вероника Дмитриевна, – пожимает Наумов плечами. – Ваш муж...

– Почти бывший! – рычу я, не контролируя себя, и сжимаю сумочку на коленях с такой силой, что у меня аж пальцы болят.

– Лев Андреевич, – добавляет как ни в чем не бывало Глеб, будто уже обо всем в курсе, – подсуетился, так что акции вашей компании рухнули час назад. Неужели вы не в курсе?

Я судорожно хватаю телефон, но уже знаю, что слова Наумова подтверждаются. Неужели Лев затеял какую-то игру, чтобы точно выбить меня с шахматной доски?

– Я могу купить у вас все ваши акции по полной прежней стоимости, Вероника, – вдруг говорит снова Наумов, и я прищуриваюсь, чуя подвох. – Но с одним условием.

Не сказать, что у меня есть иной выбор, ведь я по-прежнему могу насолить Льву и продать акции конкуренту, пусть и за бесценок, но что-то во мне противится такому простому исходу мести.

И что-то мне подсказывает, что Глеб Наумов после многочисленных подножек, которые делал ему в свое время Лев, чтобы выжить его со своей территории, воспользуется возможностью отомстить врагу. Ведь тот не гнушался даже грязными методами.

– Что за условие?

– Мне поступило еще три предложения от акционеров вашей компании, и с вашими акциями я стану мажоритарным акционером, – говорит он и вдруг прищуривается, рассматривая меня с каким-то плотоядным интересом. – Я выкуплю ваши акции с условием, что вы станете моим представителем и займете должность генерального директора вместо вашего мужа. Но и это еще не все. Скажите, Вероника Дмитриевна, вы хотите отомстить своему мужу? Или предпочтете подставить другую щеку?

Глава 11

Я медлю с ответом, но не потому что раздумываю над тем, хочу ли я отомстить мужу. О, этого я хочу больше всего на свете – отплатить Льву по полной за всё то унижение, что я пережила за каких-то два коротких дня.

Меня интересует другое: почему вдруг Глеб Наумов решил помочь? Как ни крути, мы с ним все-таки были конкурентами, и я даже у него крупного поставщика практически из-под носа увела, заключив выгодный контракт. Лев тогда, помню, радовался больше меня, что удалось Наумова обставить.

Ладно, пусть даже это дело прошлое, но с чего вдруг ему вообще мне предлагать мстить и делать меня вдобавок генеральным директором? Любой бы на его месте выкупил акции за бесценнок, воспользовавшись ситуацией и на этом бы мы распрощались.

Видя, что я медлю с ответом, Наумов улыбается:

– Можете не искать подвохов, Вероника Дмитриевна. Его нет.

– Так уж и нет? – хмыкаю недоверчиво, впившись в Глеба внимательным взглядом.

Пытаюсь считать малейший намек на фальшь в мимике или взгляде, но Наумов смотрит прямо в глаза и ведет себя уверенно.

– Понимаю, после того, что ваш муж устроил, поверить кому-то из мужского пола снова трудно, но я говорю абсолютную правду. Я с удовольствием помогу вам, если решите поставить этого зарвавшегося козла на место. Уж простите за прямолинейность.

В голове вспыхивает догадка, и я издаю короткий смешок.

– А! Так вы из тех, грубо говоря, “друзей”, что при супружеской ссоре всегда рядом оказываются и готовы чужой жене подставить свое крепкое мужское плечо? И не только плечо, разумеется, – я многозначительно замолкаю и поднимаюсь с места с гордым видом. – Акции я вам продам, Глеб Анатольевич. Но мстить мужу, прыгая по чужим кроватям, не собираюсь. Он хоть и козел, как вы правильно заметили, но я себя слишком уважаю, чтобы опускаться до его уровня.

Сам намек меня оскорбляет, да я еще и от Наумова такого не ожидала!

Подхватив сумку, я гордо шагаю к выходу. Даже цоканье невысоких каблуков звенит в воздухе возмущением.

Когда слышу тихий бархатистый смех за спиной, по моим и так оголенным нервам словно хлыстом щелкают.

Вместо извинений он еще и смеяться вздумал?!

Резко развернувшись на каблуках, я прожигаю Наумова взглядом. Он направляется прямо ко мне, и я уже стискиваю ручку сумки, чтобы как следует приложить ей наглеца, если он руки начнет распускать. Но Глеб сообразительный, он останавливается в паре шагов от меня и закладывает руки в карманы, разглядывая меня хитрым прищуром.

– Скрывать не стану, я бы и правда хотел продолжить наше знакомство в более, так скажем, неформальной обстановке. Как женщина ты меня очень привлекаешь. Но пользоваться такой ситуацией? Пф-ф, – передергивает Глеб плечами пренебрежительно, – я не собираюсь опускаться до такого.

Он снова лукаво улыбается, а я чувствую себя круглой душой. И почему я сразу решила, что Наумов решил в койку меня затянуть? Хотя неудивительно. Последние два дня нервы на пределе. Надо бы попить что-нибудь успокоительное...

Несмотря на реакцию Глеба, я все-таки уточняю с долей скепсиса:

– И каким тогда образом вы собрались мне помочь мстить?

Я обращаюсь к Наумову на “вы”, но он намеренно игнорирует мою подчеркнутую вежливость.

– Сделаю всё, что захочет твоя душа, – заявляет он с легкой полуулыбкой, – слышал, оскорбленные и обманутые женщины очень изобретательны при выборе места.

– Может быть. Только с чего вдруг вам, – последнее слово произношу с нажимом, – мне помогать?

– Считай, что я просто ненавижу слюнтяев, – Глеб морщится и на его лице легко читается презрение, – променять такую женщину на пустоголовую дурочку, просто потому что она помоложе... надо быть полным идиотом.

Сжимаю губы в тонкую линию. Наумов решил меня задобрить, показывая, что он на моей стороне? Только вот зачем? Акции я все равно ему продам, у меня и выхода другого сейчас нет. Одна я, боюсь, просто не выстою. Так зачем вдруг Глеб мне пыль в глаза пускает?

– Какая поразительная осведомленность, – тяну я, складывая руки на груди, – про пустоголовую молоденькую дурочку. Я ведь ее только вчера с мужем застукала, а вы уже в курсе.

– Я всегда держу руку на пульсе, когда дело касается моих прямых конкурентов.

Снова я пытаюсь выискать что-то, что выдаст Наумова, покажет его истинные намерения. Но тот либо держится профессионально, так, что никакой настоящей эмоции на лице не увидеть, либо... просто ни при чем. Хотя вся эта ситуация и полностью Глебу выгодна.

Так, всё, надо выдохнуть. Я так до паранойи дойду скоро, если буду кругом всех подозревать. Мой муженек неплохо постарался, расшатал мое доверие, раз я теперь врагов всюду ищу.

– Ладно, допустим, – говорю уже более миролюбиво.

В конце концов, Лев тоже постоянно пытался про Наумова как можно больше узнать. Как будто у них с Глебом какая-то особая личная неприязнь всё время была.

– Для начала я хочу просто продать акции и обезопасить себя. Пока этого достаточно, чтобы насолить Льву.

Глеб кивает.

– Я сейчас отдам распоряжение юристам, они подготовят предварительный договор купли-продажи. Задаток по нему я перечислю на твой счет, всё оформим, как нужно, так что, если что, Лев не подкопается. Сама понимаешь, такие сделки быстро не проворачиваются, но с предварительным договором мы выиграем время. Присаживайся, подожди, я сейчас их вызову, – Глеб приглашающим жестом указывает на кресла, установленные вдоль переговорного стола.

– Хорошо, – соглашаюсь я и уже делаю шаг в сторону, куда указывал Наумов, как телефон в моей сумке оживает.

Я останавливаюсь, чтобы проверить, кто звонит, и Глеб застывает тоже. Молча кивает мне с немым вопросом в глазах.

– Лев звонит, – отвечаю, хмуро глядя на экран смартфона.

– Ответишь?

Я и так знаю, что ничего хорошего из разговора не выйдет. Да и слышать голос мужа сейчас тошно. Один его тембр возвращает меня во вчерашний день, когда всё рухнуло. Я настолько была слепа, настолько занята работой, бытом, уходом за беременной невесткой, что не заметила, как у меня под ногами пропасть разверзлась.

И теперь в эту самую пропасть меня так заботливо пытаются затолкать некогда близкие люди – предатель-муж и ослепленный любовью к чужой любовнице сын. Похоронить там, чтобы не мешалась.

После всего, что я сделала для них. После всех бессонных ночей, всех вкусных ужинов, заключенных контрактов, отглаженных рубашек и еще кучи, кучи забот и дел, что я делала для них, не ожидая взамен ничего, даже простого “спасибо”. Делала, потому что я мама и жена, потому что должна, ведь я люблю их, свою семью. И думала, что они любят меня... что на рубеже в пятьдесят лет меня ждет тихая гавань, спокойная жизнь со Львом душа в душу, внуки и приятные повседневные хлопоты.

А теперь я стою в кабинете своего врага и конкурента со справкой в сумке о том, что я, прости господи, вменяемая, и надеюсь, что он мне поможет. Потому что больше некому.

– Да, – хрипло выдавливаю я, – да, я отвечу.

– Если не можешь, давай... – мягко говорит Глеб, но я не дослушиваю, нажимаю на кнопку приема вызова.

– Алло.

– Никуся? Привет, а ты где? – слышится в трубке голос мужа. Такой неожиданно спокойный и ласковый, будто всё произошедшее было просто сном.

– Какое тебе дело?

– Просто хотел встретиться и поговорить. Послушай, я... я погорячился. Действовал на эмоциях. Слушай, Ник, ты же меня как облупленного знаешь, – издает неловкий смешок Лев, будто надеясь, что я тоже засмеюсь. – Я перегнул, признаю. Давай просто встретимся где-нибудь в кафешке и поговорим, как взрослые люди. В конце концов, мы же не чужие друг другу, детей вместе вырастили, бизнес построили... Обсудим всё цивилизованно и решим. Давай через часик в нашем любимом ресторане поговорим тогда?

Глава 12

Смена настроения и подхода Льва настораживает, и я не обольщаюсь насчет него. Он показал свое истинное лицо, и я ему верить не собираюсь. Как и давать второй шанс. Не после того, как он состряпал липовую справку о моей недееспособности. Захотел выставить меня психичкой неуравновешенной.

– Вероника? – зовет меня Глеб, и я возвращаюсь в реальность.

– Лев хочет встретиться в кафе и всё обсудить.

– Ты же ему не веришь? Такие люди своих решений просто так не меняют.

Наумов предостерегает меня по двум причинам. Наверняка не хочет терять акции, которые я готова ему продать. И не верит Льву. В отличие от слепой многие годы меня, он видит его в другом свете.

– Вторых шансов я не даю. Не верю, знаешь ли, что люди могут меняться.

Фыркаю, но тему не развиваю. С меня хватило пьющего отца, который чуть ли не каждую неделю клялся матери, что больше ни-ни. Знаем – плавали.

У Льва зависимости к беленькой нет, но и разницы особой я не вижу. Когда-то поклялась себе, что верить и давать еще один шанс, как когда-то мать, не буду. Не опускаюсь до такого, чтобы позволять себя обманывать.

– Так что насчет моего второго предложения, Ве-ро-ни-ка?

Наумов протягивает мое имя по слогам, словно напевает, и я слегка напрягаюсь, чувствуя, как электризуется вокруг нас воздух.

Он продолжает обращаться ко мне на ты, фамильярничает, и я вдруг решаю сократить между нами дистанцию. Раз он так хочет помочь мне отомстить мужу, что ж, я приму его предложение.

– С одним условием, – возвращаю я ему его же фразу и едва сдерживаю улыбку.

– И каким же?

– Это всего лишь игра на публику, чтобы уничтожить Льва, ничего больше. Никакого интима, ясно?

– Близость только с обоюдного согласия, – переиначивает по-своему Глеб и опережает меня, увидев мое сопротивление. – Ты ведь доверяешь себе, Ника? Не станешь ко мне приставать?

Сжимаю зубы, когда он выворачивает всё так, что это мне придется держать себя в руках.

Общение с ним в корне отличается от того, что было у нас с Львом.

Здесь и игривость, и лукавство, и флирт. Я словно нахожусь в одной клетке с тигром, который не прочь поиграть со своей добычей.

Вот только Наумов заблуждается насчет меня и вскоре это поймет.

– Значит, мы договорились, – говорю я как можно равнодушнее.

Не хочу, чтобы он видел, что я слегка заволновалась. Не из-за интереса к нему. Ему просто удалось меня смутить, чего он и добивался.

Юристы быстро заканчивают подготовку предварительного договора купли-продажи, и я, внимательно его перечитав несколько раз, ставлю свою подпись.

– А теперь поехали.

Наумов встает с кресла, отдав распоряжение перевести на мой счет задаток, и кивает мне на выход.

– Куда?

– На встречу со Львом. Или ты думала, что поедешь одна? Не забыла наш уговор? Мы отныне пара, разве могу я, как порядочный мужчина, отпустить свою женщину на встречу с другим одну? Меня не поймут.

Последняя фраза лишняя. Такому, как Наумов, всё равно на сплетни и пересуды. Его волнует только личная выгода.

Я не особо долго раздумываю. Глеб выглядит при этом настроенным решительно и уверенно, так что я киваю. Раз уж согласилась, то чего тянуть? Вот только...

– Сначала я сама поговорю со Львом. Дам знак, когда можно будет тебе подойти. Идет?

Наумов кивает и предлагает меня подвезти, но я на своей, так что прошу его сильно не светиться, чтобы Лев не увидел его раньше времени. Что-то мне подсказывает, что муж неспроста зовет меня в кафе. Ни за что не поверю, что он всё осознал и хочет попросить прощения.

Когда я вхожу в кафе, Лев сидит за столиком у окна и нервно постукивает ногой. Явно злится, что я опаздываю, но при виде меня насилу выдавливая из себя улыбку. Значит, чего-то хочет. Иначе не стал бы сдерживаться. Сразу бы взорвался, отчитывая меня за то, что заставила его ждать.

– Никуся, рад, что ты послушалась и приехала.

Он привстает, но я отмахиваюсь и сажусь напротив. Не хочу, чтобы прикасался ко мне.

– Послушалась? Я тебе что, собачонка, которой ты можешь отдавать приказы?

Изнутри поднимается злость, но я держу себя в руках. Пусть он злится, выдавая свои планы. Не я.

В этот момент даже рада, что мы женаты так долго. Знаю, как вывести его из себя и заставить говорить. Одно плохо. И он меня знает, как облупленную. И, видимо, куда лучше, чем я его, раз под моим носом сумел такое провернуть. Спал с женой сына, урод.

– Не злись, я погорячился, Никусь. Давай пообедаем, ты пообедеешь, и поговорим. Я уже заказал тебе твой любимый том-ям и...

– Терпеть не могу том-ям.

Подзываю к себе официанта и заказываю чай. Кусок в горло мне явно не полезет, и я сюда приехала не для того, чтобы разделять с ним трапезу. Злюсь невольно, когда он напоминает про том-ям. Это ему втемяшилось полгода назад, что мы должны быть модными и современными, пробовать что-то новое, в том числе расширять пищевые предпочтения. Мне казалось, что это его личный кризис среднего возраста, а оказалось, что лишь следствие измены. Видать, хотел соответствовать своей молодухе.

– Никуся...

– Когда ты признаешься сыну, что Агата беременна от тебя?

– Не понимаю, о чем ты. Агата носит нашего внука, а ты напридумывала себе невесть что и упорствуешь. Захар сам не свой, да и Агата переживает, может ребенка потерять. Одумайся, Никуся, мы с сыном только добра тебе желаем.

Лев ведет себя странно, врет даже глазом не моргнув.

– Чего ты добиваешься, Лев? Только вчера говорил, чтобы я убиралась из дома, угрожал выставить меня умалишенной, а сейчас делаешь вид, что ничего этого не было?

– Вот видишь, Никусь, у тебя уже галлюцинации пошли, – качает головой и цокает Лев.

– Я хочу, чтобы ты прошла лечение, дорогая, уже выбрал тебе клинику. А пока ты будешь лечиться, всем будет только лучше. Да и Захар успокоится, тоже ведь за тебя переживает. Не артачься, любимая...

– Закрой рот! – выхожу я из себя, но быстро прихожу в себя. Пока это ему удастся заставить меня злиться.

– Всё будет хорошо, дорогая, врачи о тебе позаботятся.

Лев говорит тоном, полным сожаления, а затем переводит взгляд мне за голову. Я же холодею, но даже не оборачиваюсь.

Конечно же это была ловушка с его стороны. Раз он подделал справку, то ему ничего не стоило привезти сюда и врачей, чтобы связать меня по рукам и ногам.

– Хочешь выставить меня сумасшедшей и взять под контроль компанию? Дай угадаю, как только я выйду из психушки, все акции перейдут к тебе, а я останусь без гроша в кармане и крыши над головой? – усмехаюсь я, но при виде выражения его лица холодею.

Лев улыбается страшно, оскаливается по-звериному.

– Ты никогда не выйдешь, Ника. Это будет твой новый дом, дорогая.

Глава 13

Лев смотрит на меня без капли сострадания или жалости. А у меня в голове будто шелкает что-то. Если до этого я еще сомневалась, стоит ли мстить изменщику, то сейчас все стало на свои места. Я не хотела тратить нервы, пачкаться во всей этой дурно пахнущей ситуации еще больше. Но теперь...

Мы ведь все-таки не чужие друг другу люди, прожили вместе со Львом столько лет, детей родили. А теперь я надоела, теперь я мешаю – и он без зазрения совести готов от меня избавиться. По-настоящему. Разрушить мою жизнь до основания. И ничего у этой сволочи не екает, и совесть его тоже не гложет.

– Какая же ты все-таки скотина, – говорю я и морщусь брезгливо, – после стольких лет нашего брака вот так ты готов мне отплатить?

– Ой, умоляю, давай без драматичных сцен, – Лев закатывает глаза, – я козел и придурок, зови как хочешь, на этом тему закроем.

Чувствую, как меня хватают за плечо и пытаются поднять. Я дергаюсь, не оборачиваясь, и прожигаю почти бывшего мужа взглядом. Лев же вальяжно откидывается на спинку стула, улыбается с довольной ленцой.

– Руки от нее убрали! – рывкает рядом знакомый голос.

Мой муженек моментально в лице меняется, вся спесь резко уходит, он озабоченно хмурится. Я и сама вздрагиваю – успела забыть, что я вообще-то здесь не одна, а с поддержкой.

– Вы тупые или у вас со слухом проблемы? – сухо спрашивает Глеб, холодно глядя за мою спину.

Наблюдать за перекошенным лицом мужа просто бесценно. Наумова он на дух не переносит. Как и когда ему хвост прижимают. А тут сразу два в одном.

Невольно в голову приходит мысль, что Лев, возможно, просто чувствует более сильного конкурента. Наумов по сравнению с ним не рисуется ни перед кем и не пытается казаться лучше, чем он есть.

– Не вмешивайся в наши с женой личные дела, – цедит сквозь зубы Лев.

От напряжения у него даже жила на лбу вздувается и бешено пульсирует.

– Ваши с женой? – Глеб вскидывает брови и издает короткий смешок, – О чем это ты? Я в курсе, что никаких “личных дел” у тебя с моей женщиной нет. У тебя же вроде как новая пассия? Говорят, беременная уже.

– Невеста сына ко мне никакого отношения не имеет. И что еще за бред ты несешь про мою жену?

Глеб сокращает расстояние между нами и сам силой убирает лапищу охранника, который собирался доволочь меня до машины.

– Еще раз прикоснешься – зубы с пола собирать будешь, – низко рыкает он, сверля амбала взглядом исподлобья.

Я почему-то ничуть не сомневаюсь в словах Глеба. Высокий и поджарый, он ничуть не уступает обоим охранникам ни в ширине плеч, ни в силе. По обрисовывающимся даже через пиджак мускулам ясно, что Наумов в тренажерный зал не красоваться ходит, а тяжело работать.

Краем глаза замечаю, как Лев украдкой промакивает пот со лба. Как занервничал, бедняжка! Совсем не жаль.

– Ты не слышал, что я сказал? – муж поднимается на ноги и угрожает: – Проваливай, мы с женой сами разберемся в своих личных делах.

Глеб складывает руки на груди и насмешливо ухмыляется.

– А вот ты явно глухой. Я же сказал, не может быть у вас с Вероникой никаких личных дел. Это моя женщина, так что любые ее вопросы решать будешь со мной.

Лев моргает, глупо пялясь на Глеба, переваривая смысл сказанных слов, и лишь через несколько секунд выдавливает:

– Ты вообще в своем уме?

– А что, Лёва, – с издевательской полуулыбкой подначивает Глеб, – ты думал, только у тебя может быть любовница?

Я не вмешиваюсь до этого момента, но на нас уже стали оборачиваться посетители кафе. Но только я раскрываю рот, чтобы предложить выйти отсюда на улицу, как меня перебивает громкий хохот мужа.

Сбитая с толку, я смотрю на него, не понимая, что смешного он вообще нашел в словах Наумова. Или он так рад, что я тоже, якобы, изменяю??

– Забавно, забавно, – отсмеявшись, Лев даже выступившие слезы вытирает с глаз, – чтобы у Вероники и любовник был? Это просто абсурд.

Его насмешка не просто ударяет по больному, она задевает в глубине души что-то потаенно женское.

– Считаешь, я не могу быть чьей-то любовницей? – спрашиваю я тихо, стискивая под столом ткань брюк.

Лев с издевкой пожимает плечами.

– Без обид, Никусь, но ты как женщина уже, считай, отработанный материал. Лет двадцать назад может ты и могла изменять, но сейчас... кому ты нужн...

Договорить Лев не успевает. Его зубы клацают от удара в челюсть и он, как подкошенный, мешком валится на пол. Судя по тому, что даже встать муженек не пытается, он сейчас в глубокой отключке.

– Тварь поганая, – рычит в ярости Глеб, встряхивая рукой, которой только что с одного удара отправил в нокаут Льва.

Все происходит так быстро, что я только потрясенно моргаю. Именно в этот момент на Наумова налетают сразу два бугая-охранника моего мужа.

В кафе поднимается гвалт, посетительницы торопятся к выходу, чтобы под горячую руку не попасть, а вот мужчины... их в помещении всего двое, и ни один из них на выручку Глебу не торопится. Он дерется яростно, успевает месить кулаками обоих увальней, но силы явно не равны.

Даже отчета себе не отдав, я подхватываю сумку и с криком принимаюсь дубасить ею по голове ближайшего к себе обидчика. И эффект неожиданности срывает на ура – амбал пропускает удар и валится прямо на столик, снося его напрочь. Второй отправляется следом через секунд пять.

Оглушенная бешено бьющимся в ушах сердцем, я стою посреди битой посуды и развороченной мебели, вцепившись в сумку до побелевших костяшек. Невольно в витрине ловлю собственное отражение: волосы встрепаны, глаза горят, я сама на себя не похожа. Постепенно возвращаются звуки – бариста истерично орет в телефон, вызывая полицию, кто-то плачет.

А Глеб... он посреди всего этого бедлама как рыцарь в сияющих доспехах. С разбитой губой, рассеченной бровью, но улыбается во все тридцать два, глядя на меня... с восхищением?

“Твою же маму, угораздило же меня связаться с этим сумасшедшим”, – думаю я, а сама, подавшись порыву, хватаю Наумова за руку и бегом тащу к выходу из кафе. Только напоследок на нокаутированного мужа оглядываюсь – одно удовольствие все-таки на него такого смотреть.

Глава 14

– Да скорее же! – подгоняю я в панике Глеба, потому что тот совсем не торопится сбегать. Шагает себе спокойно, будто не устроил только что драку не хуже, чем в боевике.

– Ника, перестань, – фыркает он с ленцой, – Думаешь, я испугаюсь полиции? Или твоего придурка мужа? Придет в себя, еще раз по роже получит.

Мы останавливаемся возле машины Наумова. Меня захлестывают эмоции, я впервые за долгое время чувствую, что не могу с ними справиться.

– Ты с ума сошел?! Мы ведь пришли просто поговорить! Мы могли выяснить у Льва, что он собрался делать, а теперь... – тараторю я, размахивая руками.

– Ты сейчас такая красивая, – произносит Глеб и смотрит при этом так, будто богиню во плоти увидел.

Это так странно и невольно, что совершенно сбивает меня с толку. Растерянно хлопнув глазами, я лишь выдавливаю:

– Что?..

Наверное я ждала, что Наумов в привычной ему манере пошутит или как-нибудь иронично меня подденет, но...

Он хватает меня в объятия, одной рукой обнимая за талию, а второй вплетаясь в мои волосы. Сжимает так, что дыхание сбивается, и целует. Нагло, властно, требовательно. Сердце совершает кульбит и падает куда-то вниз, пропуская удар за ударом. Я себя чувствую неопытной девчонкой-студенткой, которую главный задира и хулиган впервые целует.

Опомнившись, я пытаюсь оттолкнуть Наумова, но отпускает он не сразу. Лишь когда я принимаюсь колотить по его плечу свободной от сумки рукой.

Он отстраняется и морда у него при этом такая довольнящая! Сразу хочется еще больше отходить, чтобы руки не распускал.

– Ты великолепна, – хрипло говорит Глеб.

– Не смей ко мне больше прикасаться! – шиплю возмущенно.

Пальцы дрожат и я пытаюсь поправить то прическу, то одежду, чтобы скрыть нервозность и собственную растерянность.

– Прости. Обычно я веду себя как джентльмен, но тут не удержался. Ты так лихо махала сумкой. Прямо как амазонка-воительница, – улыбается Наумов.

Я мрачно зыркаю в его сторону.

– Если в том же духе продолжишь, на твою долю тоже достанется.

Глеб вскидывает руки в примирительном жесте.

– Ладно, ладно, сдаюсь. Я с женщинами не воюю. К тому же не делай вид, будто ты не в курсе моей к тебе симпатии.

– Без понятия, о чем ты, – пожимаю плечами с непроницаемым выражением лица.

– А мне казалось, женщины такое чувствуют. Сразу понимают, когда мужчина заинтересован. Конечно, обычно рядом с тобой кружил Лев, но взгляды-то ты мои не могла не заметить.

Разговор уходит в какую-то слишком уж неожиданную сторону. Вообще последние дни чересчур насыщенные: еще недавно я мужа с молодой любовницей застукала, а сейчас со мной флиртует главный конкурент нашего бизнеса. А перед этим он еще и дебош из-за слов в мою сторону устроил. Голова кругом идет.

– Давай сменим тему, – говорю твердо, – для начала, например, уедем отсюда.

– Если ты так хочешь. Поговорю со Львом потом.

– Нет! – восклицаю резко, – Говорить с ним ты будешь только в моем присутствии.

Глеб криво улыбается и окидывает меня цепким взглядом.

– Что, переживаешь, что муженька твоего покалечу? Неужели до сих пор любишь этого мерзавца?

– Я просто одна из владельцев бизнеса и, поскольку ты покупаешь мою долю, хочу, чтобы все разговоры проходили в моем присутствии. Не хочу больше никаких сюрпризов. Да и проблемы с разводом мне не нужны.

– Поверь мне, Ника, никаких проблем у тебя не будет.

Я лишь хмыкаю на его слова. Мужчины горазды обещать золотые горы и даже больше, чтобы получить, что им хочется. Вот только потом не все спешат за свои слова отвечать и испаряются в самый ответственный момент.

Мы садимся в машину, я называю адрес подруги и Наумов отъезжает от ресторана. Я задумчиво смотрю в окно и размышляю. Могу ли я доверять ему? Глеб стал неожиданным союзником, но, с другой стороны, у него тоже свой интерес мне помогать есть. Все-таки он собирается выкупить долю акций его прямого конкурента.

Будь ситуация другой, я бы никогда не продала свое детище, но Лев не оставил мне выбора. Лучше уж продать бизнес, который с нуля поднимала, чем остаться с нулем в кармане и напичканной лекарствами сумасшедшей.

– Подожди, куда мы едем?

Напрягшись, я слежу за тем, как внедорожник Глеба сворачивает с нужной улицы на незнакомую.

– Как куда? Ко мне домой.

– Зачем нам к тебе домой?? Отвези меня к подруге, я же говорила адрес!

– Ник, ты ведь не думаешь, что у твоей подруги безопасно?

– Лида никогда моему мужу помогать не будет! Она надежный человек!

– Я не сомневаюсь. Но я о другом. Лев сейчас зол и выкинуть может что угодно. Его люди могут просто тебя подкараулить и запихнуть в машину, а могут и в квартиру к твоей Лиде вломиться. Ты и ее под удар подставляешь, и себя. Это опасно. Он вполне способен запрятать тебя и напичкать какой-нибудь хренью. И я могу не успеть, Ника. Так что я не позволю тебе рисковать своей жизнью и здоровьем.

Ненавижу, когда за меня все решают, но сейчас даже не спорю, настолько тирада Наумова впечатляет.

– Хорошо, – заключаю хмуро, – думаю, ты прав. Но мне как-то неудобно. Я поселюсь у тебя в доме неизвестно на сколько, буду мешать твоей личной жизни...

Глеб бросает на меня хитрый взгляд, ненадолго отрываясь от дороги.

– Ты нисколько не помещаешь моей личной жизни. Наоборот. Если захочешь.

– И не надейся! Давай не будем переступать рамки приличия. Я твоя временная гостья – и все.

– Ладно, – вздыхает он тяжело, – но знай, если ты вдруг не устоишь и придешь ко мне в спальню голая, я не буду тебя осуждать.

Я лишь закатываю глаза и качаю головой. Похоже, наше вынужденное сожительство под одной крышей Наумову только нравится. Надеюсь, что сделка пройдет достаточно быстро и Лев успокоится, потому что другого выхода у него не будет. Как ни крути, а в этот раз ему никак не выйти сухим из воды.

Глава 15

Дом у Наумова находится за городом, в элитном коттеджном поселке, куда в свое время хотел переехать и Лев, но в тот период у нас была просадка в бизнесе, так что пришлось подтянуть пояса и отказаться от этой мысли. А когда всё наладилось, я так прикипела к новому дому, который мы тогда купили, что о переезде не могло быть и речи.

– Мой дом находится в отдалении от остальных, поближе к лесу. Не люблю, знаешь, по утрам пересекаться с соседями.

Я уже было хочу ответить, что вид из окон великолепный, как Наумов в очередной раз всё опешляет.

– Предпочитаю хозяйничать и заниматься приятными делами на своем участке без посторонних глаз.

Я едва не морщусь. Он как обычно в своем репертуаре. Все его мысли, кажется, об одном вертятся. Как бы смутить меня.

Я достаточно взрослая женщина, так что понимаю, что вся его забота обо мне неспроста. Бизнес он вскоре и так получит, как только я получу документы, так что о меркантильности с его стороны и речи не идет.

Я ему нравлюсь. Это невооруженным взглядом видно. Вот только о причинах мне остается только догадываться. Что им движет? Реальная симпатия или желание досадить сопернику? Позлить его, переспав с его почти бывшей женой.

Не знаю, в чем дело, но спать с Наумовым не собираюсь. Так что пусть и не мечтает, что я и правда приду к нему в спальню совершенно голая.

– Ты живешь здесь один?

Оглядываюсь на лестницу, которая ведет на второй этаж.

– А ты хочешь включить в наши отношения третьего?

Глеб ухмыляется, подкрадываясь сзади. Наклоняется и будто вдыхает в себя мой запах. Я резко разворачиваюсь, упираясь бедром в диван. Сердце колотится, а я не могу отвести взгляд от его ухмылки, от которой так и веет наглостью мартовского кота.

– Третий у тебя может быть только этаж, Наумов. И отодвинься, будь добр, мне трудно дышать.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не отодвинуть ворот блузки. Я одновременно потею и холодею, а легкие наполняются ароматом его парфюма. Его близость уж слишком странно на меня действует, и меня это беспокоит. Я ведь всё еще замужняя женщина, а посторонние мужчины на меня никогда подобным образом не действовали. Я никогда не считала себя легкомысленной и влюбчивой, но Наумов ведет себя так, как никто еще себе не позволял. И это сбивает с толку.

– Трудно дышать? Не из-за меня ли?

Закатываю глаза и резко отхожу. Благо, он не позволяет себе прижать меня телом к дивану.

– Если ты собираешься переиначивать мои слова и не давать мне проходу, Глеб, то я лучше и правда поеду к Лиде.

Хватаю сумку и уже хочу пойти на выход, начиная злиться не то на него, не то на себя за свою неуместную реакцию, но он меня останавливает.

– Не кипятись, Ник, я не хотел тебя обидеть. Просто думал разрядить обстановку. Как мы ушли с кафе, ты сама не своя. Напряженная такая.

Он не врет, не юлит. По глазам видно, что беспокоится, и я смягчаюсь. Снова кидаю сумку на диван и чувствую, что всё мое тело действительно напряжено. С того момента, как мы уехали к Глебу, я будто жду удара в спину. Что Лев примчится следом и осуществит свои

угрозы. Упечет меня в психушку, отберет компанию, обманет сына и выйдет из всей этой истории победителем. Не мудрено, что я никак не могу расслабиться. Всё время оглядываться по сторонам, ожидая подвоха... Любая на моем месте беспокоилась бы.

– Хорошо, Глеб, но ты не перегибай палку.

Он кивает.

– А насчет твоего вопроса, живу я и правда один. Так что буду рад, если ты составишь мне компанию, пусть и временно.

Голос его уже звучит иначе. Чуть более серьезный, без насмешки или попытки пофлиртовать.

– Надо Лиде позвонить, чтобы она курьером мне сумку с вещами передала. Не могу же я и правда ходить по-твоему дому обнаженной.

На этот раз настает моя очередь дразниться. Глаза Глеба блестят, на губах возникает полуулыбка, но он не позволяет себе никаких пошлостей в мой адрес. Лишь кивает и быстро проводит мне экскурсию по дому, объясняя, что где находится и лежит.

Мне достается гостевая комната на втором этаже – светлая, просторная, с большими панорамными окнами, которые легко можно прикрыть блэк-аут шторами.

– Ты здесь постоянно живешь, или только на выходных?

Я оборачиваюсь, когда Глеб уже собирается уйти, оставив меня наедине с собой в комнате.

– Выхлопным городским газам предпочитаю лесной запах на постоянной основе, так что не переживай, не брошу тут тебя на растерзание тишине и одиночеству.

Краснею, но ничего не говорю. Звоню Лиде, когда он уходит, прикрыв за собой дверь, и вываливаю на нее все неприглядные подробности сегодняшнего дня.

– Вот же гад! – цедит она. – Так долго скрывал свою истинную натуру, а теперь вот оно что. А Захар об этом знает?

– Знает, это самое страшное.

– Ну вряд ли он готов собственную мать упечь в психушку до конца жизни.

Мне хочется верить, что Лида права, но в груди всё еще червоточина, ведь не каждый день твой сын встает на другую сторону, не верит не единому твоему слову.

– Надеюсь, Лид, надеюсь. Можешь, пожалуйста, мои вещи собрать и отправить их мне по адресу, который я тебе сообщением пришлю? Ты не обижайся, но ночевать я сегодня не приду. Лев меня у тебя будет в первую очередь искать, ты же знаешь.

– А где ты остановишься? В гостинице?

– У Наумова. У него загородный дом за городом, охрана, Лев сюда не прорвется. Надеюсь...

Последнее я произношу с сомнением, замечая движение за забором. Стою у окна и наблюдаю за тем, как к дому подъезжают машины, одна из которых – с люстрой на крыше. Полиция.

– Надо же, какой рыцарь. От предателя-мужа спас, к себе в логово пригласил, чуть ли не в постельку уложил. Может, присмотришься?

– Я еще даже не развелась, Лид, какие новые отношения. Да и с Наумовым... Нет уж. Ни за что!

– А что так?

– Он самовлюбленный, самоуверенный, наглый...

– Красавчик, – заканчивает за меня подруга, и я проглатываю все остальные аргументы против.

– В любом случае, нет. Я приличная, замужняя...

– Без пяти минут разведенная, – подсказывает кума.

– Ты режешь меня без ножа, Лид.

– А ты как хотела? Кто, если не я, откроет тебе глаза?

Пока Лида продолжает расписывать мне плюсы того, что мне надо расслабиться и пустить всё на самотек, я прищуриваюсь, разглядывая, как в сторону ворот идет Глеб. Открывает калитку, распахивая ее, и с этого ракурса я не сразу узнаю того, кто вдруг встает напротив него. Лев собственной персоной. Да не один. С охраной и полицией. Потрясает какими-то бумажками перед лицом Наумова и полицейскими.

– Лид, я тебе перезвоню.

Сердце сжимается при виде мужа и мелькнувшего за его спиной сына Захара, чье появление становится для меня еще более неожиданным. Руки и ноги трясутся, пока я спускаюсь вниз, буквально несусь сломя голову, чувствуя надвигающиеся проблемы. Вот что этому Льву неймется. Изменяешь? Изменяй и разводишься. Зачем же поступать так подло? Гад.

Глава 16

Я стараюсь успокоиться, чтобы не выглядеть перед полицией неадекватной женщиной, которой хочет меня выставить Лев, и, к счастью, мне это удастся. Так что к Глебу я подхожу полностью собранная, без единого признака паники.

Стараюсь не смотреть на сына Захара, боюсь, что при виде него вблизи расплачусь от обиды, что он вот так подло поступает со мной, находясь на стороне отца.

– Что тут происходит? Глеб, всё хорошо?

Я кладу ладонь на руку Наумова, чтобы продемонстрировать, что мы с ним заодно. Я слишком хорошо знаю мужа, примерно понимаю ход его мышления, так что не удивлюсь, если он заявил полиции, что меня похитил его конкурент.

– Иванченко Николай Павлович. Вероника Дмитриевна, верно? – спрашивает меня капитан, судя по нашивкам, показывает свою ксиву. – Поступило заявление от вашего мужа, что вас похитили и удерживают силой. Вы подтверждаете, что находитесь здесь против своей воли?

Я едва не усмехаюсь, ведь мои предположения оказываются верны. Скольжу взглядом по опухшей роже Льва и наливающимся под глазом синяку, и вид поверженного избитого мужа доставляет мне такое незабываемое удовольствие, что я слегка ухмыляюсь.

– Я не подтверждаю. Никто меня не похищал, это всё плод воображения моего мужа. Почти бывшего мужа, прошу заметить, офицер.

– Мама, что ты несешь? Ты не в себе? – хмурится Захар и выдвигается вперед. Сжимает кулаки и с гневом посматривает на Глеба, будто вот-вот кинется на него. К счастью, полиция чувствует усиливающийся накал и встает между нами. Глеб же загораживает меня собой, отчего я вдруг чувствую себя в большей безопасности, чем когда бы то ни было.

– Я-то как раз в себе, Захар, ты бы лучше о себе побеспокоился, сынок.

Я вздыхаю, не в силах промолчать, так как мне обидно за сына, которого обманывает не только невеста, но и родной отец, который должен стоять за него горой.

– Не слушайте ее, пакуйте! – рычит Лев, отталкивая сына в сторону. – Моя жена – психически неустойчивая личность, стоит на учете в психоневрологическом диспансере. А этот Наумов – мой конкурент, который хочет обманным путем завладеть моей компанией, вот и задурил голову этой дурочке. Накрутил ее, что она из дома сбежала. Ей необходимо срочное лечение, так что забираем ее и поехали. Я уже договорился о палате и особом уходе.

Полицейские переглядываются между собой, но не спешат хватать меня за руки, ждут, когда Лев предоставит доказательства. В их глазах отчетливо виден скепсис, ведь на умалишенную я не похожа. Скорее, они считают, что я изменяю мужу с более удачливым соперником.

Лев достает справку, показывает ее полиции, и в их глазах я вижу зарождающееся сомнение. Сама же я будто цепенею, чувствуя, как по венам растекается ярость и обида.

– Ты серьезно, Лев? Всё пытаешься выставить меня сумасшедшей ради того, чтобы завладеть компанией, а потом что? Рано или поздно Захар всё равно узнает, что Агата – твоя любовница, которая носит твоего ребенка. Нравится она тебе? Скатертью дорожка. Зачем же ломать и рушить всё, что строилось годами? Ладно я, но неужели тебе совсем плевать на сына?

– Наоборот, Вероника, прямо сейчас я как раз и пытаюсь защитить нашего сына, – холодно отвечает Лев, врет, даже не моргнув и глазом. – Ты не в себе и вряд ли осознаешь, что тобой манипулирует Глеб. Это он, видимо, и внушил тебе эти бредни, что я сплю с Агатой и что она беременна от меня. Не переживай, дорогая, больше ты с ним не увидишься, я защищу тебя от него.

Меня буквально трясет от того, как ловко он переворачивает ситуацию в свою пользу. Даже Захар верит ему, и именно его поведение ранит меня сильнее всего. Но я стараюсь быть

сильной и просто сжимаю зубы, не собираюсь позволять Льву топтать меня на глазах у остальных.

– Ты хоть слышишь себя, Лев? Во что ты превратился, раз готов женщину, родившую тебе единственного сына, упечь в психушку ради какой-то интрижки и жажды наживы? Ты перешел всякие границы, Лев, но я больше не позволю тебе контролировать мою жизнь.

Я достаю приготовленную справку, которая доказывает мою вменяемость.

– Обратите внимание на имя психиатра. Гос. учреждение, между прочим. И внимательно прочтите имя шарлатана, что значится в справке моего мужа. Его справка – подделка, фальсификация.

– Дайте-ка вашу справку, Лев Андреич, – хмурится капитан, явно начинает сомневаться уже в самом заявителе.

– Вы слушаете женщину, которая бесстыдно живет в доме чужого мужика, пока ее законный муж защищает ее интересы? – нападает Лев, ведет себя сам невменяемо. – Я сейчас позвоню вашему начальству, полетят головы и погоны, не сомневайтесь. Я забуду этот вопиющий инцидент, если вы сейчас же арестуете похитителя и освободите мою жену.

– Мам, прошу тебя, выйди, давай поговорим, я ведь твой сын, желаю тебе только добра, – просит Захар, но я ни на грош не верю ему. Чувствую, что он всеми силами хочет вытурить меня из двора, а затем разговор со мной пойдет на других тонах.

– Нет, сынок, ты ослеплен любовью, не ведаешь, что творишь.

– Проедемте в отделение полиции, Лев Андреич, разберемся и с вашей справкой, и с вашим заявлением.

Капитан Иванченко оставляет попытки разобраться с Глебом, но Лев теряет самообладание и кидается на него с кулаками, тем самым подписывая себе приговор. Его довольно быстро скручивает напарник капитана, заламывают руки и надевают наручники, выдвигая обвинение в нападении на полицейского.

– Записи с камер видеонаблюдения привезет мой адвокат, – кивает им вслед Наумов, в то время как Захар мечется между мной и отцом, не зная, что предпринять. Не то уговорить меня поехать с ним, не то начать спасать отца.

Что происходит дальше, я уже не знаю, так как Глеб закрывает калитку, отсекая меня от внешнего мира, и я чувствую, как дрожат коленки. Внутри всё сжимается в тугой комок, и я не могу ни думать, ни говорить.

К счастью, Глеб подхватывает меня, не давая упасть, и отпаивает чаем, успокаивая мою расшатанную нервную систему.

– Всё будет хорошо, Ника, они до тебя не доберутся. Я решу все проблемы.

– У Льва связи, Глеб, его выпустят уже через час...

– Не только он один у нас со связями.

Глеб ухмыляется и отходит, чтобы сделать несколько звонков, но я не вслушиваюсь, уж слишком кружится голова. Лиде я так и не перезваниваю, Глеб вместо меня сам отправляет ей адрес, принимает мои сумки, пока я лежу на диване и пытаюсь понять, когда моя жизнь свернула не туда.

Не знаю, как долго я молчу и веду себя, как амеба, но мир явно против того, чтобы я взяла паузу. Спустя несколько часов раздается очередной вызов по телефону.

Сергей Сазонов.

Снова.

– Слушаю, Сереж, что-то еще произошло? Лев решил созвать собрание и уволить меня? Запретить мне продавать свои акции? Что еще он придумал своим больным разумом?

– Всё гораздо серьезное, Ника, – раздается мрачный голос Сазонова. – В офисе орудует ОБЭП. Твои документы, компьютер, всё изымают.

Я замираю, ощущая, как меня накрывает ледяная волна страха. Тело обдает испариной, сама я подрываюсь, забыв и о головной боли, и о распрях со Львом.

– Что? Ты сейчас шутишь?

– Какие шутки, Ник? Тебя подозревают в финансовых махинациях и краже в особо крупных размерах. На твое имя обнаружены счета на Каймановых островах, куда были переведены несколько сотен тысяч долларов.

Меня с головой накрывает паника, голова кружится, мешая встать, а в горле пересыхает. Неужели Лев настолько меня ненавидит и хочет избавиться, что готов подвести меня под статью и посадить в тюрьму ни за что? Или за этим стоит кто-то другой?

Глава 17

От сна и следа не остается. День вышел насыщенным, но такие новости – это уже совсем не шутки. Неужели мой муж решил настолько грязными методами играть? Раз не получилось закрыть в психушке, то посадить решил?

Я застаю Глеба с телефоном в руке. Он разговаривает с кем-то, но, стоит увидеть меня, как он тут же завершает звонок, даже не прощаясь с собеседником. Видимо со стороны я выгляжу совсем уж разбитой, потому что Наумов тут же подскакивает с вопросами:

– Что случилось?? Лев звонил и опять наговорил что-нибудь?

– Хуже, – упавшим голосом отрезаю я и обессиленно валюсь на диванные подушки.

Раз мы с Глебом вынуждены сотрудничать и незапланированно стали союзниками, то он должен все знать. Он же собрался покупать мою долю акций, а если на меня уголовку заведут и в финансовых махинациях обвинят, то это может и Наумова под удар подставить.

Я коротко рассказываю ему самое главное и смотрю, ожидая приговора.

– Если ты откажешься от сделки со мной, я пойму.

Но реакция Глеба заставляет по меньшей мере удивиться. Он лишь улыбается. Его плечи расслабляются, все напряжение уходит, будто возникшая проблема вообще ничего не значит.

– Из-за такой мелочи? Не переживай, Ника, все в силе.

Брови взлетают сами собой.

– Мелочи? Для тебя уголовное разбирательство – это мелочи? Сделка может застопориться на неопределенное время. А мы оба знаем, что в бизнесе время очень важно. Зачем тебе вкладываться в актив, который непонятно когда заработает?

– Например, затем, что я обещал тебе помочь. Мое слово дорогого стоит, Ника. Потому что я его не нарушаю. Хочешь выпить?

Глеб отвлекается, наливая в стакан янтарную жидкость из бутылки, стоявшей возле журнального столика. Я ненадолго задерживаю взгляд, любуюсь, как она переливается, но молча качаю головой.

Реакция Наумова меня немного обескураживает. Хотя, может, он готов поступиться прибылью сейчас, чтобы потом снять все сливки. Вот только Лев вполне может к этому моменту обанкротить всё.

Снова бросаю взгляд на Глеба. Этот мужчина для меня загадка. Даже нет, тайна, окутанная мраком. Мне никак не разгадать его помыслов. Просто в голове не укладывается, что такой человек, как он, решил помочь потому, что я ему... нравлюсь?

Я, конечно, ухаживаю за собой, выгляжу достойно для своих лет, но как-то само собой вышло, что я списала себя со счетов. Во-первых, я была замужней дамой, а интрижки на стороне для меня всегда строгое табу. А во-вторых... что уж греха таить, не тягаться мне с юными нимфами.

Поневоле вспоминаются жестокие слова мужа, брошенные им в кафе. Когда Глеб сказал, что мы любовники, Лев не то что не поверил – он расхохотался в лицо. И это больше всего. Для него я – клуша предпенсионного возраста. Забавно, что Лев при этом старым себя не считает. Наоборот, молодится как только можно. Лицемер.

Заметив мой долгий взгляд, Наумов поворачивается ко мне и открыто улыбается.

– Любишься?

Тут же хмурюсь и отрезаю:

– Просто думаю.

– Я все решу, Ника. Бога ради, побудь просто женщиной, а не ломовой лошадкой. Выпись, полежи в горячей ванной, можешь даже в СПА съездить, я охрану с тобой пошлю. Ничего не готовь, завтра привезут доставку. Просто наслаждайся жизнью, я сам все решу.

Я молча барабаню пальцами по колену.

– Ты всех своих женщин обольщаешь тем, что можно бездельничать?

Наумов скрывает усмешку за стаканом, делая глоток.

– Только тебя. Обычно я их не привожу в свой дом.

– Что, как студент ищешь укромный уголок? – ерничаю я.

Вроде бы язвить смысла нет, но что-то во мне будто нарочно подталкивает подколоть Глеба острее.

А он, как назло, на мои провокации совсем не ведется.

– Предпочитаю встречаться на нейтральной территории. Мой дом – моя крепость и случайным людям в нем не место.

– Так я, значит, особенная?

– Тебе нравится это осознавать?

Наумов делает шаг, не сводя с меня взгляда.

Это действие как спусковой крючок – я тут же вскакиваю с места. Не позволяю переступить невидимую грань.

– Думаю, это просто дешевые манипуляции. Многим женщинам нравится чувствовать себя особенными. Вполне возможно, ты такое рассказываешь каждой. Спокойной ночи, Глеб.

Я разворачиваюсь и направляюсь к лестнице вверх. Наумов не идет следом, но до меня долетает его негромкое:

– Я докажу тебе, что это не так.

Не спорю. Чувствую себя не то что выжатой – выпотрошенной. Лучше сейчас добраться до постели и не думать ни о чем. И уж точно никому не доверять. Надо не забывать, как мне отплатил муж, с которым мы душа в душу не один десяток лет прожили вместе. Нас с Глебом связывают сугубо деловые отношения – и точка!

Глава 18

Наутро меня тянет поехать в офис и со всем лично разобраться, но я впервые позволяю себе расслабиться. Следую совету Глеба, отпускаю ситуацию и перестаю быть ломовой лошадью.

– Какие планы на сегодня? Может, в СПА? Давно я на массаж не ходил.

Глеб потягивается, демонстрируя полоску живота, и я сглатываю. Настолько непривычно видеть с утра другого мужчину перед собой.

Впрочем, я бы не удивилась, проснись я и увидь его подле себя в постели. С Наумова стало бы заявиться ко мне в гостевую комнату, хотя бы ради того, чтобы меня подразнить. Но либо я его плохо знаю, либо он просто не успел проснуться раньше меня.

– Хочешь со мной? Подчиненные не хватятся?

Сегодня я хочу разорвать привычный шаблон и выйти за рамки зоны комфорта. Почему я вообще должна следовать каким-то общественным нормам, когда все остальные живут на полную катушку?

Нравится ли мне компания Глеба? Да.

– Я на сегодня взял выходной. А что? Имею право, руководитель как никак. Не зря же натаскивал зама, пусть учится работать без моего всевидящего ока под боком.

– Умение делегировать обязанности – высший пилотаж.

– Для мужчины это важный навык, Ника. Но есть такие приятные обязанности, которые помощнику не доверишь.

Он лукаво ухмыляется и подмигивает мне, и я в очередной раз краснею.

Страх выйти на улицу нет. Лев не рискнет напасть на меня и похитить, когда рядом Глеб. Боится его, ведь уже получил по своей наглой морде кулаками.

Всё, что от меня требуется сегодня, это собрать себя и выйти, всем остальным занимается сам Глеб. Устраивает мне чуть ли не праздник. Непривычно, ведь в браке у меня было всё наоборот. Это я скакала вокруг Льва и старалась ему угодить.

– Пока мы наслаждаемся сегодняшним днем, мои юристы займутся проверками в твоей компании. Они у меня тертые калачи, и не с такими проблемами дело имели. Так что ни о чем не переживай, Ника, и отпусти вожжи. Побудь хотя бы сегодня женщиной.

Кто бы знал, что мне хотелось быть женщиной не только сегодня, а всегда. Но раньше я не могла себе этого позволить.

Финансовый директор.

Жена.

Мама.

Будущая бабушка.

Я была кем угодно, но никак не собой, Никой. Просто обычной Никой.

Наумов подошел к вопросу кардинально. Спа-салон закрыт на ВИП-обслуживание, и этими випами оказываемся мы вдвоем.

– Я привык ко всем вопросам подходить основательно, Ника. На все сто. Никаких полумер.

И отчего мне кажется, что говорит он об одном, а имеет ввиду другое?

В каждую реплику умудряется вложить двойной смысл, и мне остается гадать, не плод ли это моего воображения.

Наумов, в отличие от Льва, многословен, ему всегда есть что сказать по любому поводу, так что я по большей части молчу.

Мне в его присутствии и с его болтовней комфортно, голос его меня даже успокаивает.

– А почему ты не женат?

Вопрос рождается в моей голове спонтанно. Я поправляю ляжку закрытого купальника и задаю его, когда мы остаемся в джакузи одни.

– Хочешь предложить свою кандидатуру, Ника?

Шутливая манера общения – его второе лицо, но мне хочется увидеть другое. Более глубокое, куда не каждому человеку доступен вход. Но я не спешу. Всеу свое время.

– Не гони лошадей, Наумов. Я, как всякая приличная женщина, должна узнать тебя получше. Ты в свои года ни разу не был женат. Знаешь, что думает женщина, когда слышит о таком?

– М? Я весь во внимании.

– Встает вопрос, а что с мужчиной не так. Тиран, абьюзер, газлайтер, как это сейчас модно клеймить. Может, жмот, любитель выпить, азартный игрок, неисправимый бабник. В общем, женщина будет искать изъян, пока его не найдет.

– То есть, никому и в голову не придет, что я всю жизнь искал ту самую?

Наумов вздергивает бровь и смотрит на меня с полуулыбкой. Его забавляет наша беседа, и я задаюсь вопросом, точно ли это тот же человек, который избил Льва.

– Сложно в это поверить. Ты ведь богат, красив, влиятелен. Мечта любой женщины. А в нашем кругу такие надолго холостяками не задерживаются. Какая-нибудь фотомоделка обязательно прибрала бы тебя в руки.

– Если бы не нашла во мне изъян, верно?

Голос серьезный, а вот глаза смеются.

– Так ты мне ответь. Правду ли говорят, или это всё досужие домыслы и сплетни?

Я слегка подаюсь вперед, сокращая между нами расстояние, и в воде это выглядит еще интимнее, чем на суше.

– А ты веришь слухам? Не хочешь проверить на собственном опыте? Рискнешь?

Он резко подается вперед и практически шепчет мне в губы.

Я краснею и отстраняюсь, понимая, что мне еще рано играть в его игры. Он на шаг впереди, ведь готов пойти ва-банк. Я же пока связана условностями и штампом в паспорте. Да и... я ведь не такая... не такая.

– Я из тех мужчин, Ника, которые предпочитают равную партнершу. Мне не нужна игрушка и молодое приложение ко мне. Мне нужна соратница, ровня, с которой я смогу как поговорить о политике и бизнесе, так и найти общий язык в постели. Сочетание красоты, ума и чувственности – большая редкость, но мне повезло. Я давно нашел такую женщину, и теперь мне представился шанс ее завоевать.

Он говорит обо мне. В этом нет сомнений. Вот только готова ли я к такому напору? Смогу ли и дальше придерживаться собственных принципов?

Несколько последующих дней я позволяю себе ни о чем не переживать. Впервые полагаюсь на слово мужчины и принимаю его помощь. Пишу на имя Глеба доверенность, а сама устраиваю себе передышку.

Но пока я сижу в его доме, мир не стоит на месте. И когда мне вдруг ни с того ни с сего звонит Агата, мое сердце замирает в плохом предчувствии.

– Захар попал в ДТП. Он в реанимации, вы приедете?

Голос у нее заплаканный, и я не сразу понимаю смысл ее слов.

– Что с моим сыном, Агата? Кто это сделал?

Меня трясет от паники и зарождающегося гнева. Захар доверился отцу, а Лев его не защитил. Предал, а теперь и вовсе жизни моего сына угрожает опасность.

Много мыслей крутится в моей голове, но реальность обрушивается на меня бетонной плитой.

– В аварии виновен Глеб Наумов. Его уже арестовали. Он пытался устранить Льва, но, видимо, не знал, что в последнее время машиной пользуется Захар. Алло? Вероника? Вы слышите? - пытается докричаться Агата, а у меня уходит из-под ног земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.